

ИСКРА В
СУМЕРКАХ

Екатерина Крылова

Искра в сумерках

<https://litres.ru/73997506>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня похитили. Из библиотеки — прямиком в другой мир. Теперь я в Нижнем мире — краю сумерек и остывающей лавы. Мой похититель — его Король. Ему тысяча лет, он холоден как скала, и ему нужна не я. Ему нужна моя сила.

Но чем дольше я здесь, тем сложнее помнить, что он мой враг. И тем страшнее задавать себе вопрос: а если сила исчезнет — я всё ещё буду ему нужна?

Содержание

Глава 1. Пролог	4
Глава 2. Первая ночь	13
Глава 3. Синхронизация	19
Глава 4. Уроки контроля	27
Глава 5. За пределами цитадели	33
Глава 6. Старая долина	41
Глава 7. Северная граница	49
Глава 8. Тени прошлого	67
Глава 9. Король	80
Глава 10. Земля теней	89
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Екатерина Крылова

Искра в сумерках

Глава 1. Пролог

От лица Элис

Гроза разбушевалась не на шутку. Молнии расчерчивали небо над городом, и после каждой вспышки свет в библиотеке жалобно мигал, будто вот-вот собирался погаснуть насовсем. Я сидела за стойкой, вцепившись пальцами в край столешницы, и уговаривала себя, что всё в порядке. Просто гроза. Просто старая проводка. Просто очередная ночная смена, которую нужно пережить.

Телефон на стойке пискнул и погас, хотя зарядка была подключена. Я мысленно досчитала до десяти и медленно выдохнула. С техникой вокруг меня всегда творилось что-то неладное, но сегодня это бесило особенно сильно. С самого утра было не по себе — кожа зудела, кончики пальцев покалывало, а в груди поселилось странное, тягучее чувство, будто что-то приближалось.

Я заставила себя встать и отправиться вглубь библиотеки с тележкой книг. Работа успокаивала. Расставить по алфавиту, проверить формуляры, поправить съехавшие набок корешки — привычные, скучные действия, которые возвра-

щали реальность на место.

— Ничего не происходит, — прошептала я себе под нос, задвигая томик Брэдли на полку. — Ничего не...

Договорить я не успела. Потому что услышала шаги.

Они были не такими, как у обычных посетителей. Слишком синхронные, слишком уверенные. Трое. Я повернула голову и сквозь щель между стеллажами увидела их: высокие фигуры в тёмных плащах,двигающиеся по центральному проходу с хищной грацией. Они не оглядывались по сторонам, не искали книги. Они искали кого-то.

И шли прямо ко мне.

Я не стала кричать. Не стала спрашивать, кто они и что им нужно. Что-то внутри меня — инстинкт, дремавший годами, — щёлкнул, как тумблер, и я, бросив тележку, метнулась в боковой проход. Тихо. Быстро. Как мышь, которая знает, что кошка уже рядом.

Сердце колотилось в горле, но я заставила себя дышать ровно. Паника — роскошь, которую я не могла себе позволить. Я слышала, как они переговариваются вполголоса, но слов было не разобрать. Потом один из них вдруг произнёс громче:

— Здесь. Я чувствую её энергию.

Энергию? У меня внутри всё похолодело. Я не знала, что это значит, но звучало это до ужаса похоже на всё то странное, что преследовало меня всю жизнь. Техника, лампочки, странные взгляды...

Я попятилась к пожарному выходу и уже нащупала ручку, когда меня с силой развернули и прижали спиной к стене. Тот, что держал меня, был огромным, с неестественно бледной кожей и глазами, в которых плясали жёлтые искры. От него пахло озоном и чем-то металлическим.

— Попалась, — произнёс он, и на его лице не было ни тени эмоций.

— Отпусти, — мой голос прозвучал на удивление ровно. Хорошо. Нельзя показывать им страх.

Он не ответил. Его пальцы сжались на моём плече сильнее, и я почувствовала, как что-то тянет изнутри — будто невидимые нити, привязанные к каждой клетке, начали дрожать. Это было больно и странно, но я стиснула зубы и не издала ни звука.

А потом случилось сразу два события.

Первое: окно в дальнем конце зала разлетелось вдребезги, и в библиотеку ворвались ещё двое. Эти двигались иначе — быстрее, резче, как тени, сорвавшиеся с поводка. Они были одеты в чёрное, и их лица скрывали маски.

Второе: державший меня бледный тип ослабил хватку на долю секунды, и этого хватило. Я рванулась в сторону, упала на пол и, не оглядываясь, поползла за ближайший стеллаж. Сзади загрохотало — кажется, началась драка. Вспышки света, звуки ударов, от которых вибрировал воздух, и запах грозы, ставший невыносимо густым.

Я не стала ждать, чем всё закончится.

Пожарный выход был в десяти шагах. Я метнулась к нему, толкнула дверь плечом и вывалилась в ночь. Дождь хлестал по лицу, холодный ветер пробирал до костей, но я бежала, не оглядываясь. Прочь от библиотеки. Прочь от этих существ, кем бы они ни были. Прочь.

Переулок был узким и тёмным. Я неслась по лужам, задыхаясь, и в голове билась одна-единственная мысль: «Только бы добраться до людного места. Только бы...»

Я не успела.

Сначала мир смазался в серую полосу — как тогда, в библиотеке. А потом меня с силой развернули и впечатали спиной в кирпичную стену. Я вскрикнула, но звук оборвался — чужая ладонь зажала мне рот.

Передо мной стоял мужчина. Один из тех, в чёрном. Только теперь без маски. Его лицо было резким, будто вырезанным из камня, и неестественно красивым — той красотой, от которой не захватывает дух, а холодеет внутри. Тёмные волосы намокли от дождя и прилипли ко лбу, а в глазах — тёмных, с серебристыми искрами — горело что-то, чему я не могла подобрать названия. Ярость? Голод? Он смотрел на меня так, будто я была добычей, которую он преследовал очень, очень долго.

— Попалась, — произнёс он, и его голос — низкий, с хрипотцой — пробрал до костей сильнее, чем ледяной дождь. — Бегаешь быстро. Но недостаточно быстро.

Я дёрнулась, попыталась ударить его коленом в пах, но он

перехватил меня с лёгкостью, от которой стало по-настоящему страшно. Одно движение — и он завёл мои руки над головой, прижав запястья к холодному кирпичу. Второй рукой он по-прежнему зажимал мне рот, и я могла только мычать и вырываться, понимая, что это бесполезно.

Где-то позади него, в конце переулка, раздались шаги. Видимо, те бледные твари из библиотеки пришли в себя. Мужчина выругался сквозь зубы и резко развернулся, прикрывая меня собой. Я увидела, как из его ладони сорвалась серебристая вспышка — она ударила в темноту, и шаги стихли. Послышался глухой стук падающего тела. Потом ещё один.

— Двое готовы, — процедил он, поворачиваясь обратно ко мне. — Третий ушёл. Доложит своим.

Он убрал ладонь с моего рта, но я не успела закричать. Его рука переместилась мне на затылок, и мир начал меркнуть. Перед глазами поплыли серые пятна.

— Что вы... — прошептала я, чувствуя, как сознание ускользает.

Он не ответил. Просто смотрел на меня, и в его глазах не было ни капли сочувствия. Только холодный, расчётливый интерес — как у человека, который нашёл нужный инструмент.

Темнота.

Очнулась я рывком, как от толчка. Голова гудела, во рту стоял металлический привкус, а тело было чужим и ватным.

Я лежала на чём-то твёрдом — каменный пол, покрытый тонким ковром? — и сверху на меня падал холодный серебристый свет.

— Очнулась. Быстро.

Этот голос. Я узнала его сразу — низкий, равнодушный, с лёгкой хрипотцой. Тот самый мужчина из переулка. Я повернула голову и увидела его. Он сидел в кресле напротив, закинув ногу на ногу, и разглядывал меня с видом человека, который оценивает покупку. Никакого беспокойства. Никакого участия. Только холодное, отстранённое превосходство.

— Где я? — прошептала я, пытаюсь приподняться. Голос не слушался.

— В Нижнем мире, — ответил он, и в его тоне сквозила скука. — В моей цитадели. Точнее, в её восточном крыле. Оно сейчас не используется, так что здесь тебя никто не потревожит.

Я с трудом села и огляделась. Огромная комната с каменными стенами и высоким потолком, теряющимся во мраке. Узкое окно без стекла, сквозь которое лился всё тот же странный серебристый свет. Минимум мебели: кровать, на которой я лежала, кресло, в котором сидел он, и низкий стол с графином воды.

— Нижний мир, — повторила я, пробуя слова на вкус. — Это что, какая-то дурацкая игра?

Он не улыбнулся. Даже не шевельнулся. Только серебристые искры в его глазах вспыхнули чуть ярче.

— Игры — это для смертных, — произнёс он всё тем же скучающим тоном. — У меня нет времени развлекать тебя выдумками. Ты в другом мире. Привыкай.

Я молча смотрела на него, пытаюсь уложить в голове услышанное. Другой мир. Он говорил это так, будто речь шла о переезде в соседний район. Как будто это норма — ворваться в чью-то жизнь, вырубить человека и перетащить его неизвестно куда.

— Кто вы? — наконец спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Вейн, — произнёс он, и в его тоне прозвучала такая абсолютная уверенность, будто этого имени было достаточно, чтобы объяснить всё. — Король Нижнего мира. Твой новый хозяин.

Я вскинула подбородок. Внутри всё дрожало, но внешне я заставила себя смотреть ему прямо в глаза.

— У меня нет хозяина.

— Теперь есть, — он поднялся с кресла и сделал пару шагов ко мне. Двигался он плавно, как хищник, и от его присутствия воздух становился плотнее. — Ты — Аномалия, Элис. Разрушительница Щитов. Твоя энергия способна взламывать барьеры между мирами. Ты — ключ, который я искал тысячу лет. И теперь, когда ты здесь, ты будешь делать то, что я скажу.

Я стиснула зубы.

— Я не аномалия. Я обычный человек. Вы ошиблись.

— Я никогда не ошибаюсь, — он остановился в полушаге от меня и посмотрел сверху вниз. Его серебристые глаза вспыхнули холодным светом. — Твоя энергия фонит так, что её слышно за три мира. Если бы не я, Светлые выпотрошили бы тебя ещё в библиотеке. Так что хватит отрицать очевидное.

— Если вы ждёте благодарности, то не дождётесь.

— Благодарности? — он коротко усмехнулся, и усмешка вышла презрительной. — Мне не нужна твоя благодарность. Мне нужна твоя энергия. Твоя способность. Ты — ресурс, Элис. Не более. И чем быстрее ты это осознаешь, тем легче будет для тебя же.

Он развернулся и направился к выходу. Его шаги гулко отдавались от каменных стен.

— Еда и вода на столе, — бросил он через плечо. — За дверь не выходить. Попытаешься бежать — будешь наказана. Здесь тебе не мир людей, и прятаться негде.

— Вы не можете просто запереть меня здесь! — крикнула я, вскакивая на ноги. Голова закружилась, но я удержалась. — Это похищение! Я ничем вам не обязана! Я не аномалия, я...

Он остановился у двери и обернулся. В его глазах не было ни злости, ни раздражения. Только бесконечное, равнодушное превосходство.

— Можешь повторять это сколько угодно, — произнёс он. — Реальность от этого не изменится. Ты — Аномалия. Твоя

энергия спасёт мой мир. А всё остальное — твои чувства, твои возражения, твоё мнение — не имеет значения. Ты — ничто. Просто ключ. Привыкай.

И он вышел, даже не потрудившись закрыть дверь за собой.

Я осталась стоять посреди огромной пустой комнаты, сжимая кулаки. Сердце колотилось от гнева и унижения. «Ничто». «Ресурс». «Ключ». Каждое его слово било наотмашь, и я ненавидела его за это. Но ещё больше я ненавидела то, как дрожали мои колени. Как предательски сжималось горло от осознания собственной беспомощности.

Он прав. Здесь я никто.

Но это не значит, что так будет всегда.

Я подошла к окну и выглянула наружу. Сумеречное небо с багровыми прожилками, чёрные скалы, уходящие вниз, и бесконечная, чужая даль. Бежать некуда. Но я не собираюсь быть чьим-то «ресурсом». Если ему нужна моя энергия — он её получит. Но на моих условиях. И только тогда, когда я пойму, что это за сила и как её контролировать.

Он считает меня ничем? Что ж. Посмотрим, что он скажет, когда это «ничто» откажется подчиняться.

Глава 2. Первая ночь

От лица Элис

Я не знала, сколько просидела на полу у стены. Час? Два? В этом месте время текло иначе — небо за окном не менялось, багровые прожилки на сумеречном своде оставались всё теми же. Ни заката, ни рассвета. Казалось, сам воздух здесь застыл.

Дверь открылась без стука.

На пороге стояла женщина — высокая, с седыми волосами, собранными в тугий пучок. Острые черты лица могли бы быть красивыми, если бы не выражение суровой замкнутости. Тёмно-серое платье строгого кроя, ни единого украшения. Только на левой руке поблёскивало тонкое серебряное кольцо. Она держала поднос.

— Завтрак, — произнесла она сухо, ставя поднос на низкий стол. — Ешь. Силы понадобятся.

Я с трудом поднялась — мышцы затекли от долгого сидения на камне.

— Кто вы?

— Рина. Смотрительница восточного крыла. Если что-то понадобится — обращайся. Но советую не беспокоить по пустякам.

Больше она ничего не сказала. Развернулась и покинула комнату. Шаги затихли в коридоре. Засова не было — дверь

осталась незапертой, как и после ухода Вейна. Он слишком уверен в себе, чтобы запира́ть меня.

Я села на край кровати. Есть не могла — кусок не лез в горло. В голове крутилось одно и то же: библиотека, трое бледных, переулоч, он. Вейн. Король Нижнего мира. Мой новый хозяин.

«Ресурс». «Ключ». «Ничто».

Я стиснула зубы. Всю жизнь я была сама по себе — приют, съёмные квартиры, вечно ломающаяся техника. Я привыкла к одиночеству. Но чьей-то собственностью я не была никогда. И не собираюсь.

Я встала. Ноги ещё дрожали после той странной «транспортировки», но стоять могла. Подошла к двери, приоткрыла. За ней — длинный коридор, каменные стены, мягкое свечение, сочащееся неизвестно откуда. Безмолвие глубокое, как на дне океана. Я ступала босиком по ледяному полу — туфли потерялись ещё там, в библиотеке.

Коридор разветвлялся. Я выбрала левый проход — шире, уходит вниз. Лестница. Ступени, стёртые тысячами шагов. На нижнем уровне пахло иначе: сыростью и металлом. Как кровь.

Где-то далеко гудело — низкий, утробный звук. Сердце этого мира, — мелькнула мысль. Я отогнала её. Сейчас важно другое: выход. Ворота. Что угодно.

Шаги за спиной я услышала слишком поздно.

— Далеко собралась?

Голос раздался из темноты — высокий, с присвистом, будто его обладатель улыбался. Из теней выступили двое. Мужчина с лицом хорька — узким, острым, с маленькими глазами. Женщина — тощая, с серой кожей и белыми, как снег, волосами.

— Смотри-ка, — протянула она, разглядывая меня. — Та самая Аномалия. Выглядит хрупко. И пахнет смертной.

— Король сказал, она важна, — отозвался мужчина. — Но не сказал, что мы не можем с ней... поговорить.

Я попятилась. Сердце ухнуло в пятки.

— Я ничего вам не сделала. Я просто ищу выход.

— Выход? — женщина рассмеялась — скрежещуще, неприятно. — Из Нижнего мира нет выхода, смертная. Особенно для таких, как ты.

Мужчина шагнул ближе, глаза блеснули в полумраке:

— Король сказал, она нужна ему для ритуала. Но ритуал требует только энергии. А энергия не зависит от того, целая она или нет.

Я не стала ждать. Рванулась с места, босиком по ледяному камню, задыхаясь. Сзади — смех. Их забавляла погоня.

Коридор, ещё один, поворот — и я оказалась в огромном зале. Высокие колонны уходили в темноту, в центре горело чёрное пламя в каменной чаше. Я метнулась за колонну, зажала рот рукой. Дыши. Тихо. Не шевелись.

Звуки погони стихли в отдалении.

— Она здесь, — раздался приглушённый голос женщины.

— Я чую её страх. Вкусный.

— Разделимся. Она не могла уйти далеко.

Топот разошёлся в две стороны. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно на всю цитадель. Я не знала, куда бежать. Не знала, где выход.

А потом воздух сгустился. Стал плотным, тяжёлым. Чёрное пламя в чаше вздрогнуло. В зал вошёл Вейн.

Он появился бесшумно, но его присутствие давило на плечи, как каменная плита. Не взволнован. Не разгневан. Раздражён. Как человек, которого оторвали от важных дел из-за пустяка.

— Керн. Шела. — Голос разнёсся по залу, как раскат грома. — Назад.

Оба вышли из теней с разных сторон — испуганные, вжавшие головы в плечи.

— Повелитель, мы просто нашли её...

— Вы хотели поиграть, — перебил Вейн ледяным тоном.

— Я чую запах вашего азарта. Он воняет.

Он сделал шаг вперёд, и эти двое буквально вжались в пол.

— Тот, кто тронет её без моего разрешения, потеряет голову. Ясно?

— Да, Повелитель.

— Прочь.

Их как ветром сдуло. Я стояла за колонной, всё ещё прижимая руку ко рту. Дрожь била всё тело. Вейн повернулся ко мне — на лице ни злости, ни беспокойства. Только пре-

зрение.

— Покажись.

Я вышла.

— Я же велел сидеть в комнате. Что из этого тебе было непонятно?

— Вы сказали, что накажете, если я попытаюсь сбежать, — голос звучал твёрже, чем я ожидала. — Но вы не сказали, что меня попытаются убить ваши же подчинённые.

— Ты в Нижнем мире. Здесь каждый пытается убить каждого. Привыкай.

— Я не хочу привыкать! Я хочу домой! Вы не имеете права держать меня здесь!

Он задержал на мне взгляд. Во взоре мелькнула скука.

— Ты повторяешься. Это утомляет.

Подошёл ближе — я отступила, но он просто взял меня за плечо, крепко, как берут за шкурку котёнка.

— Первый и последний раз, когда я трачу время на твоё спасение. В следующий раз не вмешайся. Твоя энергия не зависит от того, жива ты или нет. Мне, в сущности, всё равно.

Я дёрнулась — хватка стальная.

— Тогда зачем вы меня спасли сейчас?

Он даже не посмотрел.

— Потому что живая ты удобнее. Мёртвую пришлось бы тащить, а ты вешишь достаточно, чтобы это было неудобно.

Мы вернулись в комнату. Он отпустил моё плечо и указал

на кровать.

— Сиди здесь. До утра. Если узнаю, что ты снова покидала комнату, — пеняй на себя.

У двери обернулся:

— И да, Элис. Бежать некуда. Нижний мир окружён Барьером. Даже если выберешься из цитадели, не пройдёшь и сотни метров. А местные твари куда голоднее Керна и Шелы.

Створка закрылась. Лязгнул засов.

Я осталась одна. Дрожащая, босая. Подошла к окну. Сумеречное небо, багровые прожилки, чёрные скалы, уходящие в бездну.

Он прав. Бежать некуда.

Но я всё равно найду способ. Потому что я не «ничто» и не «ключ». Я — Элис. И я не сломаюсь.

Я опустилась на кровать. Сна не было ни в одном глазу, но я заставила себя закрыть глаза. Завтра я узнаю, что ему нужно от моей энергии. А потом решу, как использовать это против него.

Глава 3. Синхронизация

От лица Элис

Утро в Нижнем мире ничем не отличалось от ночи. То же сумеречное небо за окном, те же багровые прожилки, тот же мягкий свет, льющийся неизвестно откуда. Я проснулась от того, что кто-то гремел засовом снаружи.

Дверь распахнулась, и на пороге снова возникла Рина — всё с тем же подносом.

— Завтрак, — произнесла она сухо и поставила поднос на низкий стол. — Король велел передать: через час тебя ждут в тренировочном зале.

Я села на кровати, растирая затёкшую шею.

— Где это? И зачем?

— Тренировочный зал на нижнем уровне. Я провожу. А пока — ешь. Силы тебе понадобятся.

Она развернулась и вышла, не дав мне задать следующий вопрос.

Через час она вернулась и молча повела меня по коридорам. Мы спускались по лестницам, петляли переходами, и с каждым шагом я всё яснее понимала масштаб этого места. Цитадель была не просто замком — она была городом, вырезанным в скале. Высокие своды, колонны, арки, уходящие в темноту, и везде этот странный свет, который не давал теней. Иногда нам встречались другие обитатели — такие же блед-

ные, с острыми чертами лица и настороженными взглядами. Они провожали меня глазами, но никто не заговаривал.

Наконец мы вышли в огромный зал. Круглый, с высоким куполообразным потолком, и в центре его горело то самое чёрное пламя, что я видела ночью. Только здесь чаша была больше — в человеческий рост, — и пламя в ней пульсировало, будто живое. Вдоль стен стояли стойки с оружием, но не мечами и копьями, а какими-то странными жезлами и сферами, светящимися изнутри.

В центре зала, спиной ко мне, стоял Вейн. Он был одет иначе, чем вчера: никакого плаща, только тёмные брюки и свободная рубашка с расстёгнутым воротом. Рукава закатаны до локтей, обнажая предплечья — мускулистые, с проступающими серебристыми линиями, похожими на татуировки.

Рина бесшумно исчезла. Дверь за мной закрылась с глухим стуком.

— Подойди, — произнёс Вейн, не оборачиваясь.

Я шагнула вперёд. Пол под ногами был гладким, почти зеркальным, и от него исходило слабое тепло.

— Ты пыталась сбежать, — сказал он всё тем же скучающим тоном. — Глупо. Но ожидаемо. Сегодня ты узнаешь, почему побег невозможен.

Он наконец повернулся. Его глаза — тёмно-серые с серебристыми искрами — скользнули по мне оценивающе, без капли интереса.

— Твоя энергия, — начал он, и голос его зазвучал жёст-

че, — это не просто сила. Это ключ, который взламывает барьеры между мирами. Таких, как ты, рождается одна в тысячу лет. Светлые называют вас Разрушительницами Щитов и уничтожают при первой возможности, потому что боятся. А я не боюсь. Я хочу использовать.

— Использовать для чего? — спросила я.

— Чтобы сломать Барьер, — он шагнул ко мне, и воздух снова стал плотным. — Ты видела сумеречное небо из окна. Чёрные скалы. Пустоту. Всё это не потому, что такова природа. Это потому, что тысячу лет назад Верхний мир построил энергетическую плотину.

Он замолчал, будто решая, сколько мне стоит знать.

— Есть три мира, — произнёс он наконец. — Верхний, Нижний и мир людей между ними. В центре планеты — Ядро, гигантский источник сырой энергии. Когда-то она текла во все миры поровну. Но потом Верхний мир захотел больше. Они начали войну и построили Барьер — энергетическую плотину, которая перенаправляет большую часть потока в Верхний мир. Нижний мир остался с крохами. Поэтому он умирает.

— А при чём здесь я?

— Ты — Аномалия. Разрушительница Щитов. Твоя энергия способна взламывать любые барьеры. Ты — единственная, кто может сломать то, что построили Светлые тысячу лет назад. Но твоя сила нестабильна, ты не умеешь ею управлять. Поэтому я проведу тебя через синхронизацию — на-

строю твою энергию на свою, чтобы в нужный момент мы смогли ударить вместе.

— Сколько я уже здесь? — спросила я. — Дни? Недели? Я не могу определить.

— Всего несколько дней, — ответил он. — Время здесь течёт так же, как в твоём мире. Просто нет солнца, чтобы его измерять.

— Звучит как безумие, — сказала я. — Всё это.

— Так и есть, — его губы дрогнули в холодной усмешке. — Но это безумие — твоя новая реальность. Привыкай. Он протянул руку ладонью вверх.

— Дай мне свою руку.

Я колебалась. Всё внутри кричало: не делай этого. Но какой у меня был выбор? Отказаться — и он сделает это силой. Согласиться — и я хотя бы сохраню видимость контроля.

Я вложила ладонь в его.

Эффект был мгновенным. По моей руке пробежал разряд — не электрический, а какой-то иной, проникающий глубоко, под кожу, в кости, в каждую клетку. Я ахнула и попыталась отдернуть руку, но его пальцы сомкнулись, как стальной капкан.

— Не дёргайся, — приказал он. — Будет хуже.

Его вторая рука легла мне на затылок. Пальцы скользнули по моей шее, и по коже побежали мурашки — не от холода, а от чего-то совсем иного. Его ладонь была тёплой и сухой, и от этого простого прикосновения у меня перехватило ды-

хание. Я ненавидела его. Я боялась его. Но моё тело, предательски, отвечало на его близость иначе — сердце забилося быстрее, а в животе разлилось странное, тягучее тепло.

Он стоял так близко, что я чувствовала запах его кожи — что-то похожее на грозу и дым, терпкое и мужское. Его дыхание касалось моего виска.

Прикосновение было обжигающим — нет, не горячим, а вибрирующим. Я чувствовала, как что-то внутри меня просыпается. Та самая дрожь, что мучила меня всю жизнь, — она больше не пряталась. Она поднималась к поверхности, хлынула к его пальцам, и я увидела, как между нашими ладонями вспыхнул свет. Серебристый, как его глаза.

— Вот она, — произнёс Вейн, и в его голосе я впервые услышала что-то помимо скуки. Интерес. Голод. — Твоя энергия. Чувствуешь?

Я не могла ответить. Ощущения захлёстывали: жар, холод, давление, пульсация — всё одновременно. Моё тело больше мне не принадлежало — оно вибрировало на чужой частоте, подстраивалось под него, перестраивалось. Это было похоже на падение в бездну, когда не знаешь, ударишься ты о дно или продолжишь лететь вечно.

А потом он отпустил меня.

Я пошатнулась и упала бы, если бы он не подхватил меня за плечи. Колени подогнулись, перед глазамиплыли серебристые пятна.

— Достаточно для первого раза, — произнёс он, убирая

руки, как только я восстановила равновесие. — Твой резерв больше, чем я предполагал. Это хорошо. Но ты совершенно не контролируешь поток. Пока ты — просто дырявый сосуд, из которого энергия хлещет во все стороны.

Я прислонилась к ближайшей стойке с оружием и часто дышала, пытаюсь прийти в себя.

— Зачем... — выдохнула я, — зачем это нужно? Синхронизация?

— Ключ нужно вставить в замок, — сказал он. — Замок — это я. Я настрою твою энергию, усилю её и направлю в слабую точку Барьера. Одна ты с ним не справишься — не хватит концентрации. Но для этого мы должны быть синхронизированы. Это потребует времени. Месяц. Может, два.

— А если я не перестану сопротивляться?

Он чуть склонил голову набок.

— Тогда будет больше. Для тебя. Мне твоё сопротивление не мешает — только замедляет процесс. Но учти: пока ты брыкаешься, мой мир умирает. И с каждым днём промедления я становлюсь менее терпеливым.

Он развернулся и направился к выходу.

— Завтра в то же время. Рина проводит. И, Элис, — он остановился у двери и обернулся, — не пытайся снова бежать. Ты уже видела, что в цитадели есть те, кому ты интересна не как ключ, а как добыча. Без моей защиты ты не проживёшь и часа.

— Я не просила вашей защиты.

— А её никто не просит. Она просто есть. Привыкай.
Дверь закрылась.

Но сегодня он вернулся. Почти сразу. Створка снова распахнулась, и за ним следовали трое — двое мужчин и женщина. От них исходило то же ощущение силы, что и от Вейна, пусть и слабее.

— Это те, кто будут тебя тренировать, — произнёс он. — Познакомься.

Первым шагнул вперёд огромный мужчина с бритой головой и тяжёлым подбородком. Его руки были толщиной с мои ноги, а на предплечьях виднелись старые шрамы. Под ними угадывались выцветшие узоры — грубые, синеватые, будто вбитые под кожу давным-давно.

— Торн, — представился он густым басом. — Начальник стражи цитадели. Буду учить тебя бою. Драться умеешь?

— Н-нет.

— Научим.

Женщина выступила вперёд плавно, как тень. Высокая, гибкая, с короткими алыми волосами, которые резко контрастировали с её бледной кожей. На шее, от уха до ключицы, тянулся тонкий шрам.

— Рейна, — произнесла она. — Мастер захватов и скрытых атак.

Третий мужчина выглядел моложе остальных — почти юноша, хотя я уже понимала, что возраст Высших не определить по лицу. Светлые, почти белые волосы, глаза странно-

го, янтарного цвета, прозрачная сфера в руках. Пальцы его были испачканы чем-то тёмным — чернила или сажа, — и он рассеянно вытер их о мантию, прежде чем заговорить.

— Кейд, — представился он. — Я учёный. Изучаю энергию Ядра. В бою буду прикрывать тебя куполами.

— Хватит разговоров, — перебил Вейн. — Торн, разминка. Рейна, подготовь манекены. Кейд, поставь тренировочный купол. Элис — в центр зала. Начинаем.

Я вздохнула и заняла своё место. По крайней мере, теперь я знала их имена.

Когда тренировка закончилась и я, обессиленная, сидела на скамье у стены, ко мне подошёл Кейд. Он покрутил свою сферу в руках и заговорил негромко:

— Твоя энергия не просто ломает барьеры. Она адаптируется к ним. Ищет слабые места сама. Поэтому ты учишься быстрее, чем обычный Тёмный. То, на что у других уходят месяцы, у тебя занимает дни. Это природа Аномалии.

— Значит, я не просто везучая, — пробормотала я.

— Ты — исключение из всех правил. И я пока не знаю, хорошо это или плохо.

Он отошёл, а я осталась сидеть, разглядывая свои ладони. Адаптируется. Ищет слабые места. Может, эта сила и правда была не проклятием.

Глава 4. Уроки контроля

От лица Элис

Прошло три дня. Три дня тренировок, от которых у меня до сих пор дрожали руки. Три дня синхронизаций, каждая из которых высасывала из меня силы досуха. Три дня, за которые я ни на шаг не приблизилась к побегу.

Вейн появлялся в тренировочном зале ровно в полдень — пунктуальный, как часы. Рина приводила меня раньше, и я успевала немного размяться, прежде чем он входил: всё та же ленивая грация, тот же холодный взгляд, то же выражение лица, будто всё происходящее было ниже его внимания. Мы вставали друг напротив друга, он брал меня за руку, и начиналась пытка.

— Дыши ровно, — говорил он, пока я задыхалась от вибраций. — Не сопротивляйся потоку.

— Попробуйте сами не сопротивляться, когда вас выворачивает наизнанку, — цедила я сквозь зубы.

Однажды он чуть сильнее сжал моё запястье — не от злости, а чтобы напомнить, кто здесь главный.

— Твоя энергия бунтует, потому что бунтуешь ты, — произнёс он. — Ты всё ещё отрицаешь свою природу. Пока ты не примешь её, прогресса не будет.

— Может, я не хочу прогресса.

— Хочешь, — его глаза блеснули. — Потому что если

прогресса не будет, ты останешься здесь навсегда. Не как гостя. Как батарея. Подключённая к Барьеру и неспособная уйти.

Я стиснула зубы и ничего не ответила. В такие моменты я ненавидела его особенно сильно. Не за грубость. Не за похищение. А за то, что он всегда был прав.

На третий день кое-что изменилось.

После очередной выматывающей синхронизации, когда я сидела на каменном полу и пыталась отдышаться, Вейн задержался. Обычно он уходил сразу, едва заканчивалась тренировка. Но сегодня он стоял у чаши с чёрным пламенем и смотрел на меня.

— Ты не бежала прошлой ночью, — заметил он.

— Вы сказали, что за дверью меня сожрут, — я пожала плечами. — Я решила поверить.

— Разумно, — он чуть склонил голову. — Может, из тебя ещё выйдет толк.

— Как из ключа?

— Как из Аномалии, — поправил он. — Ключ — это функция. Аномалия — это суть. Ты можешь быть и тем, и другим.

Я подняла на него глаза. Впервые за всё время он произнёс это слово без пренебрежения. Просто констатировал факт. Я не знала, что на это ответить, поэтому промолчала.

— Завтра начнём работать с барьером, — продолжил он. — Маленьким. Я создам тестовый щит, а ты попробуешь его

взломать.

— А если у меня не получится?

— Получится, — он отвернулся и направился к выходу. — Это твоя природа. Ты можешь отрицать её сколько угодно, но рано или поздно она возьмёт своё.

Дверь закрылась.

На следующее утро Рина привела меня в зал раньше обычного. Я заметила, что за прошедшие дни она стала чуть менее суровой — или мне просто казалось. Она всё так же не улыбалась и не заговаривала первой, но иногда я ловила на себе её взгляд: не враждебный, скорее оценивающий.

— Он тебя не убьёт, — вдруг сказала она, когда я разминала запястья. — По крайней мере, не специально.

Я замерла.

— Откуда вы знаете?

— Я служу Королю почти пятьсот лет, — она поправила складку на своём безупречном платье. — Видела многих его... проектов. Ты первый, с кем он возится лично.

— Может, потому что я ценнее остальных, — пробормотала я.

— Может, — она бросила на меня короткий взгляд. — А может, потому что ты его злишь. Он не привык, чтобы кто-то спорил.

Я усмехнулась про себя. Значит, я его злю. Уже кое-что.

Дверь распахнулась, и вошёл Вейн. Он был в том же тренировочном костюме, рукава закатаны, на лице — выраже-

ние холодной сосредоточенности. С ним, как и обещал, был Кейд.

— Создай барьер, — велел ему Вейн. — Первого уровня.

Кейд вытянул руку, и перед ним возник щит — полупрозрачный, переливающийся, как мыльный пузырь, только гораздо более плотный. Воздух вокруг него дрожал, и я чувствовала слабое, но ощутимое давление.

— Подойди ближе, — велел Вейн.

Я шагнула вперёд. Щит был на расстоянии вытянутой руки. Я подняла ладонь и осторожно коснулась его. Поверхность оказалась прохладной и гладкой, как стекло.

— Что мне делать?

— Почувствуй его структуру, — сказал Вейн, останавливаясь у меня за спиной. — Барьер — это не просто стена. Это сплетение энергетических нитей. Твоя энергия не бьёт в него, она проникает между нитями и раздвигает их, как вода в трещины. Твоя задача — найти центральный узел и разорвать.

Я закрыла глаза. Ладонь лежала на щите, и я пыталась ощутить то, о чём он говорил. Сначала — ничего. Только холодная гладкая поверхность. Но внутри меня, там, где теперь постоянно зудела эта странная сила, что-то отозвалось.

— Не думай, — тихо произнёс Вейн. — Чувствуй.

Я выдохнула и перестала анализировать. Просто позволила себе ощущать. И тогда я их заметила: тонкие линии силы, бегущие внутри щита, переплетающиеся, образующие сеть.

Одна из них была ярче других — центральная, та, от которой расходились все остальные.

— Вижу, — прошептала я. — Узел.

— Разорви.

Я сосредоточилась. Представила, как моя энергия — та самая, что раньше только ломала телефоны и гасила лампочки, — тянется к этому узлу. Как она обхватывает его, сжимает, тянет.

Щит дрогнул.

А потом с тихим звоном лопнул, осыпавшись серебристыми искрами на каменный пол.

Я открыла глаза. Кейд стоял с приподнятой бровью, и на его лице читалось удивление. Вейн молчал. Я обернулась к нему и впервые за всё время увидела в его глазах что-то, отдалённо похожее на одобрение.

— Неплохо для первого раза, — произнёс он. — Твой резерв всё ещё нестабилен, но чувствительность растёт. Продолжим завтра.

Он кивнул Кейду, и тот направился к двери, но задержался возле меня.

— Это был барьер первого уровня, — тихо сказал он. — Самый простой. Ты разорвала его за пять секунд. Знаешь, сколько времени нужно обычному Тёмному, чтобы сделать то же самое? Минимум полгода тренировок.

— Я не обычная, — пробормотала я.

— Нет, — согласился Кейд, и в его янтарных глазах

мелькнул исследовательский азарт. — Ты Аномалия. И, кажется, я начинаю понимать, что это значит.

Он вышел. Я осталась стоять над россыпью гаснущих искр, чувствуя, как в груди разливается странное тепло. Гордость? Нет, скорее облегчение. Я смогла. Я действительно смогла что-то сделать с этой силой, которую так долго считала проклятием.

— Значит, я не совсем безнадёжна? — спросила я, не удержавшись.

— Ты безнадёжна как источник неприятностей, — ответил Вейн, направляясь к двери. — Но как Аномалия — возможно, стоишь потраченного времени.

Он вышел.

Я опустилась на скамью у стены и уставилась на свои ладони. Они всё ещё слегка светились в темноте — слабо, едва заметно. Может, эта сила и правда была не проклятием. Может, она была инструментом, просто я не знала, как им пользоваться.

Где-то глубоко внутри, под слоем усталости и страха, шевельнулось что-то новое. Не надежда. Скорее, осторожное любопытство. А что ещё я могу?

Глава 5. За пределами цитадели

От лица Элис

Прошла ещё неделя. Семь тренировок. Семь барьеров, которые я разорвала. И ни одной ночи, когда я не думала бы о побеге.

Но теперь эти мысли стали другими. Не паническими, как в первую ночь, а холодными и расчётливыми. Я изучала цитадель. Запоминала коридоры, по которым водила меня Рина. Считала шаги от моей комнаты до тренировочного зала. Отмечала, где стоят стражники, как часто они сменяются. Я больше не бросалась в темноту слепо. В следующий раз, когда я побегу, я буду знать куда.

А пока я училась.

— Сегодня тренировки не будет, — объявила Рина, появляясь в дверях моей комнаты.

Я оторвалась от завтрака и удивлённо подняла брови.

— Король отменил?

— Король никогда ничего не отменяет, — она чуть поджала губы. — Он велел привести тебя во внешний двор. Сказал, тебе пора увидеть Нижний мир.

Сердце пропустило удар. Внешний двор. Это значило выйти за пределы цитадели. Увидеть то, что скрывается за этими каменными стенами. И, возможно, найти путь к бегству.

— Я готова, — сказала я, поднимаясь быстрее, чем следовало.

Рина прищурилась, но ничего не сказала.

Мы шли другими коридорами — не теми, что вели в тренировочный зал. Эти были шире, с высокими арками и выцветшими гобеленами на стенах. Кое-где камень крошился, и я видела следы ремонта, старого и неумелого. Цитадель явно знавала лучшие времена.

Наконец мы вышли к огромным воротам. Чёрное дерево, окованное серебристым металлом, который светился изнутри. Двое стражников в тёмных доспехах отступили, завидев нас, и ворота начали медленно открываться.

Я зажмурилась от яркого света. А когда открыла глаза — забыла, как дышать.

Внешний двор оказался не двором в привычном понимании. Это была широкая каменная площадка на вершине скалы. Цитадель возвышалась за моей спиной, а впереди, насколько хватало глаз, простирался Нижний мир.

Сумеречное небо с багровыми прожилками было низким, почти осязаемым. Под ним раскинулась долина, усеянная острыми чёрными скалами, между которыми змеились реки лавы. Их багровое свечение пульсировало, будто в такт биению огромного сердца. Воздух был горячим и терпким, пах гарью и чем-то сладковатым. А вдалеке, у самого горизонта, я разглядела огни — крошечные, дрожащие, как свечи. Поселения. Здесь жили люди. Вернее, не люди — Высшие.

Тёмные Высшие.

— Впечатляет? — раздался знакомый голос.

Вейн стоял у края площадки, скрестив руки на груди. Ветер трепал его тёмные волосы, а глаза — серые с серебристыми искрами — отражали багровое зарево лавовых рек. Он выглядел... на своём месте. Как будто этот суровый, опасный мир был его естественной средой.

— Впечатляет — не то слово, — ответила я, подходя ближе. — Это... не похоже ни на что, что я видела.

— Конечно, — он бросил на меня короткий взгляд. — Ты всю жизнь провела в мире людей. Там нет лавовых рек. Нет сумеречного неба. Нет тварей, которые охотятся в темноте.

— Тварей? — переспросила я, и по спине пробежал холодок.

— Увидишь, — он кивнул в сторону тропы, уходящей вниз по склону скалы. — Мы спускаемся.

— Куда?

— В поселение. Тебе нужно увидеть, что такое Нижний мир на самом деле. Не из окна цитадели. А вблизи.

Мы спускались по узкой тропе, вырезанной прямо в скале. Камень под ногами крошился, и пару раз я поскальзывалась. На полпути нога соскользнула с мокрого уступа, и я полетела бы вниз, если бы он не поймал меня. Одно движение — и его руки сомкнулись на моей талии, прижимая меня к его груди. На мгновение я замерла, чувствуя, как сильно бьётся его сердце — или, может быть, это моё колотилось так громко.

— Осторожнее, — произнёс он, и его голос прозвучал глухо, почти над самым ухом.

— Спасибо, — выдохнула я, не делая попытки отстраниться.

Он тоже не спешил отпускать. Его пальцы чуть сжались на моей талии, и я почувствовала, как жар от его ладоней проникает сквозь ткань туники. Это длилось всего пару секунд, но когда он наконец разжал руки и шагнул назад, воздух между нами стал ощутимо холоднее.

— Идём, — сказал он и пошёл дальше, не оглядываясь. А я ещё несколько минут не могла унять дрожь в коленях. Вейн шёл впереди, и его шаг был уверенным — шаг хозяина, который знает каждый камень в своих владениях.

Чем ниже мы спускались, тем жарче становилось. Лавовые реки, которые сверху казались безобидными светящимися лентами, теперь грохотали где-то справа, и я чувствовала их жар кожей. Воздух стал гуще, тяжелее, и в нём появился новый запах — чего-то живого. Muskusa. Шерсти. Когтей.

— Что это за запах? — спросила я, не удержавшись.

— Скальные гончие, — ответил Вейн, не замедляя шага. — Стая живёт в ущелье к западу отсюда. Охотятся ночью. Днём спят. Если повезёт, не встретим.

— А если не повезёт?

— Тогда ты увидишь их ближе, чем хотелось бы.

Через полчаса мы вышли на плато, и передо мной открылось поселение. Оно было небольшим — может, два десятка

домов, сложенных из того же чёрного камня, что и цитадель. Крыши были покрыты чем-то, похожим на застывшую лаву, а окна светились всё тем же серебристым светом. На улицах виднелись фигуры — Высшие, жители Нижнего мира. Они останавливались, заведев нас, и кланялись. Вернее, кланялись они не мне. Ему.

— Повелитель, — произнесла какая-то женщина, склоняя голову так низко, что её волосы коснулись земли.

Вейн кивнул и прошёл мимо. Я шла следом, чувствуя на себе взгляды. Они были разными: любопытными, настороженными, враждебными. Одна девочка — на вид лет десять, хотя кто знает этих Высших — показала мне язык, но тут же спряталась за спину матери.

— Они не привыкли к смертным, — заметил Вейн. — Ты первая за много лет, кто ходит по этой земле.

Я не стала спорить. Может, он и прав. Может, я действительно смертная — просто с аномалией, которая делает меня полезной. Или опасной. Или и тем, и другим сразу.

— С дополнением, — пробормотала я себе под нос.

Он услышал и чуть усмехнулся.

— Именно.

Мы остановились на краю поселения, возле низкого здания без окон. Изнутри доносился стук металла о металл. Кузница. Вейн толкнул дверь, и нас обдало жаром, который был сильнее, чем от лавовых рек. Внутри горел огонь — настоящий, оранжевый, а не чёрное пламя цитадели. И у нако-

вальни стоял огромный мужчина с голым торсом и перепачканным сажей лицом.

— Повелитель, — прогудел он, опуская молот. — Не ожидал.

— Мне нужен амулет, Грон, — произнёс Вейн, подходя ближе. — Сдерживающий. Для неё.

Я насторожилась.

— Сдерживающий? Что это значит?

Вейн даже не посмотрел на меня.

— Твоя энергия растёт. Если не стабилизировать, она начнёт прорываться. Ломать вещи. Привлекать внимание. Мне нужен амулет, который будет держать её под контролем, пока ты не научишься делать это сама.

— Вы хотите надеть на меня ошейник? — мой голос зазвенел от гнева. — Как на собаку?

— Как на ценное оружие, которое пока не умеет стрелять, — поправил он холодно. — Разница есть.

— Я не дам вам...

— Дашь, — он наконец повернулся ко мне. — Потому что иначе ты убьёшь себя. Или кого-то другого. Твоя сила дестабилизируется, Элис. Я вижу это. Ты пока нет. Но поверь мне — я прожил тысячу лет и знаю, о чём говорю.

Я замолчала. Гнев всё ещё кипел внутри, но к нему примешивался страх. Что, если он прав? Что, если та энергия, которую я с таким трудом училась контролировать, в какой-то момент вырвется и причинит вред?

Грон уже достал с полки тонкую цепочку с небольшим кулоном — тёмным камнем, внутри которого пульсировала серебристая искра.

— Он впитывает излишки, как губка, — пояснил кузнец, протягивая амулет Вейну. — Отдаёт обратно, когда ты стабильна. Но если выплеснешь слишком много за раз — он рассыплется. Так что не геройствуй без нужды.

— Протяни руку, — велел Вейн.

Я помедлила. Каждая клетка тела кричала: не делай этого. Но другая часть меня — та, что училась выживать в приюте, — знала: иногда нужно сделать шаг назад, чтобы потом прыгнуть вперёд.

Я протянула руку.

Холодный металл коснулся запястья. Цепочка обхватила его, затянулась сама собой и тут же стала тёплой, как кожа. Я почувствовала, как что-то внутри меня сжалось, успокоилось, будто разбушевавшееся море вдруг улеглось. И в этой тишине было что-то почти приятное.

— Вот так, — произнёс Вейн. — Теперь ты не взорвёшься.

— Я и не собиралась, — буркнула я, разглядывая кулон.

Мы вышли из кузницы. Я смотрела на удаляющуюся спину Вейна и думала о том, что он сказал. О голодающих людях. О застывающих реках лавы. О мире, который умрёт через полвека.

Я не хотела быть ключом. Не хотела быть ресурсом. Но,

возможно, я могла быть чем-то другим. Тем, кто спасёт этот мир — и потом уйдёт свободной.

Нужно только выяснить, как это сделать.

Глава 6. Старая долина

От лица Элис

Следующее утро началось не с тренировки. Рина принесла завтрак, но вместо того чтобы уйти, осталась стоять у двери. Её серый взгляд смотрел на меня с необычным выражением — не суровым, а скорее предупреждающим.

— Король велел передать: сегодня ты идёшь в долину, — произнесла она. — Не в поселение у скалы. Дальше. Туда, где живут те, у кого почти не осталось энергии.

Я отставила кружку с водой.

— Зачем?

— Он сказал, ты должна увидеть. — Она помедлила, будто решая, добавить ли что-то ещё. — Будь осторожна. Там, в низине, другие порядки. И люди другие.

Через полчаса я стояла у ворот цитадели. Вейн уже ждал меня — на этот раз один, без свиты. Только он, в своём неизменном тёмном плаще, и я.

— Где все? — спросила я.

— Сегодня без них, — ответил он коротко. — Идём.

Мы спускались по знакомой тропе, но на полпути он свернул в другое ущелье — более узкое, более тёмное. Здесь лавовых рек не оказалось, только холодный камень и сухой, колющий ветер. Я куталась в тунику и старалась не отставать. Вейн шёл молча. В какой-то момент он снял свой плащ и, не

говоря ни слова, накиннул мне на плечи. Я не поблагодарила — просто запахнулась плотнее. Плащ пах грозой и дымом, и от этого запаха почему-то становилось спокойнее.

Его пальцы на мгновение задержались на моём плече — короткое, почти невесомое прикосновение, — прежде чем он убрал руку и пошёл дальше. Я сделала вид, что не заметила.

Через час мы вышли на край огромной впадины. Она выглядела как кратер — гигантская чаша, уходящая вниз на сотни метров. И там, на дне, ютились дома. Сотни домов, сложенных из того же чёрного камня, что и цитадель, но гораздо более старых и обветшалых. Улицы пустовали, а окна не светились. Тёмные. Мёртвые.

— Что это за место? — прошептала я.

— Старая долина, — ответил Вейн. — Первое поселение в Нижнем мире. Я построил его почти тысячу лет назад. Тогда здесь царило тепло. Лавовые реки текли прямо под домами. А теперь... — он замолчал, глядя вниз. — Теперь это кладбище.

— Почему мы здесь?

— Потому что ты должна понять, — он повернулся ко мне. — Не просто увидеть на карте или услышать в докладах. Понять. То, что происходит с моим миром, — это не абстракция. Это реальные люди. Реальные смерти. Идём.

Мы спустились в кратер. Чем ближе мы подходили к домам, тем отчётливее я чувствовала странную пустоту. Здесь

не осталось энергии. Совсем. Амулет на моём запястье едва теплился, будто и он здесь угасал.

На улицах появились люди. Измождённые лица, тусклые взгляды, медленные движения. Они не кланялись Вейну. Просто глядели на него — и в их взорах не было ни уважения, ни страха. Только усталость.

— Повелитель, — произнёс кто-то. Из ближайшего дома вышел старик, сгорбленный, с длинной седой бородой. — Ты снова здесь. Пришёл смотреть, как мы погибаем?

Вейн остановился. Его лицо оставалось невозмутимым, но я видела, как напряглись плечи.

— Я пришёл не смотреть, Тамир. Я пришёл показать.

Старик перевёл взгляд на меня. Его глаза были выцветшими, почти белыми.

— Это она? Аномалия?

— Та, что может нас спасти.

Старик долго разглядывал меня, а потом покачал головой.

— Слишком поздно. Моя жена умерла в прошлом месяце. Сын — полгода назад. Внуки ушли на север, к границе, искать лучшей доли. А лучшей доли нет. Ты знаешь это, Повелитель.

— Я знаю, — тихо ответил Вейн. — Но я не остановлюсь.

Мы шли по улицам мёртвого города, и я видела их всех. Женщину, которая сидела на пороге и качала на руках завёрнутый в тряпье свёрток. Мужчину, который копал яму в замёрзшей земле. Детей, которые не играли, а просто сидели

у стены и смотрели в никуда.

У одного из разрушенных домов я остановилась. В груде обгоревших камней лежала детская игрушка — плюшевый медведь, наполовину сгоревший, с выплавленными глазами-пуговицами. Я замерла. Перед глазами вспыхнула картинка: другой медведь, другая ночь, другой пожар. Мой собственный.

Вейн заметил, что я остановилась. Он ничего не сказал. Просто подошёл ближе и встал рядом — молча, не касаясь, но достаточно близко, чтобы я чувствовала жар его присутствия. От него пахло грозой и дымом — тем самым запахом, который остался на плаще. Я не обернулась. Не показала ему ничего. Но это молчаливое плечо рядом — без слов, без вопросов — вдруг оказалось именно тем, что мне требовалось.

Через минуту я выпрямилась и пошла дальше. Он двинулся следом, не спрашивая.

— Почему они не уходят? — спросила я.

— Потому что это их дом. Они родились здесь. Им некуда идти. А даже если бы и ушли — везде одно и то же. Энергии не хватает всем.

Мы остановились на краю небольшой площади. В центре стоял фонтан — высохший, мёртвый, с треснувшим камнем. Когда-то, наверное, здесь была вода. Теперь — только пыль.

— Вы показываете мне это, чтобы я согласилась помочь, — произнесла я. — Чтобы я перестала сопротивляться.

— Я показываю тебе правду, — ответил он. — То, что ты

с ней сделаешь, — твой выбор.

— Мой выбор? Вы похитили меня. Заперли в цитадели. Надели амулет. Где во всём этом был мой выбор?

— У тебя его не имелось, — невозмутимо согласился он.
— Потому что тогда ты ещё не понимала. Теперь — понимаешь. Теперь ты видела. И выбор становится твоим.

Я замолчала. Он был прав. Я видела. И теперь не могла просто отмахнуться.

— Что будет с ними, если мы не доберёмся до Барьера?

— Они исчезнут. Не сразу. Но в течение ближайших десяти лет этот город опустеет полностью. За ним — другие. Мой мир превратится в ледяную пустыню.

— А вы?

— Я, — он чуть усмехнулся, но усмешка вышла горькой,
— я буду последним. Король, который остался на пустом троне.

Я разглядывала его профиль — резкий, будто высеченный из того же камня, что и эта впадина. Тысяча лет. Он прожил тысячу лет. Нёс этот мир на своих плечах. И теперь его последняя надежда — девушка из библиотеки, которая до сих пор не знает, кто она на самом деле.

— Я помогу, — сказала я. — Я ещё не готова. Но я научусь. И я помогу этим людям. Не ради вас. Ради них.

Он долго наблюдал за мной. А потом коротко кивнул.

— Этого достаточно.

Мы возвращались обратно в молчании. У самого выхода

из кратера, на узком каменном уступе, я поскользнулась — мелкие камни посыпались из-под ног, и я взмахнула рукой, ища опоры. Вейн поймал меня за запястье — быстро, без усилий. Я замерла. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, горячие и крепкие.

— Осторожнее, — сказал он.

На этот раз я не отстранилась сразу. Просто стояла и смотрела на его руку, сжимающую мою. Между нашими пальцами пробежала слабая серебристая искра — почти незаметная.

— Ты чувствуешь это? — тихо спросил он.

— Да, — ответила я так же тихо.

Он отпустил меня не сразу. А когда отпустил, его пальцы скользнули по моей ладони — медленно, почти неосознанно, прежде чем он отдёргнул руку и пошёл дальше.

Я глядела ему в спину и чувствовала, как в груди разливается жар. Станный. Неожиданный. Незванный.

У ворот цитадели нас встретила Рина. Она бросила на меня быстрый взгляд, проверяя, цела ли я, и тут же доложила Вейну:

— Прибыл гонец от Совета. Светлые требуют переговоров.

— Снова? — Вейн нахмурился.

— На этот раз настаивают. Говорят, что готовы обсуждать... условия.

— Какие условия?

— Условия твоей капитуляции. И выдачи Аномалии.

Вейн посмотрел на меня. Его взгляд стал тяжёлым.

— Ответь им, что переговоров не будет. Нижний мир не капитулирует. И Аномалию не отдаст.

— Как прикажешь, Повелитель.

Рина исчезла за дверями. Я стояла рядом с Вейном, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Они не отступят, — произнесла я. — Рано или поздно они придут за мной.

— Да, — ответил Вейн. — Но не сегодня. И не завтра. Им нужно время, чтобы собрать силы. А нам — чтобы подготовиться.

— Тогда завтра мы тренируемся?

— Да, — он чуть усмехнулся. — Завтра ты будешь проклинаять меня за каждую минуту этой тренировки.

Я не улыбнулась в ответ, но внутри что-то дрогнуло. За эти недели я научилась бояться его меньше. Или, может быть, научилась видеть за маской Короля что-то ещё — то, что он прятал за холодным взглядом и властным тоном. Я пока не знала, что именно. Но чувствовала: он не просто жестокий похититель. Он — тот, кто тысячу лет держал этот мир на своих плечах. И это заслуживало если не благодарности, то хотя бы... понимания.

— Вейн, — окликнула я, когда он уже взялся за ручку двери.

Он обернулся.

— Спасибо, что показали мне долину.

Он ничего не ответил. Но прежде чем дверь закрылась, я увидела, как уголок его губ дрогнул. А его взгляд на долю секунды задержался на моём лице — не оценивающий, не холодный, а просто... тёплый.

Створка закрылась. Я осталась стоять в коридоре, прижимая пальцы к запястью — туда, где всё ещё чувствовался жар его ладони.

Этой ночью я снова не спала. Но теперь — не от страха. Я думала о старом Тамире, о детях у стены, о мёртвом фонтане. Я думала об обгоревшем медведе — и о другом медведе, из моего собственного прошлого. Я думала о том, что Нижний мир — это не просто камни и лава. Это люди. И я была нужна им.

И ещё я думала о том, как он стоял рядом со мной у разрушенного дома — молча, ничего не требуя, ничего не спрашивая. Просто находился рядом. И как его пальцы задержались на моём запястье чуть дольше, чем требовалось.

Я не знала, что это значит. Но уснула я с мыслью, что, возможно, он не такой, каким хочет казаться. И это пугало меня больше, чем война.

Глава 7. Северная граница

От лица Элис

Неделя пролетела как один бесконечный бой. Я просыпалась с болью в мышцах и засыпала с тем же изнеможением, едва добравшись до кровати. Торн гонял меня до седьмого пота, Рейна плела захваты всё изощрённее, а Кейд только качал головой, глядя, как я в очередной раз поднимаюсь с каменного пола. К концу каждого дня я едва доползала до своей комнаты и падала на кровать, не раздеваясь.

Вейн появлялся на тренировках редко. Он был занят — готовил цитадель к обороне, совещался с командирами, отправлял разведчиков к северной границе. Но каждый раз, когда он заходил в тренировочный зал, я чувствовала его присутствие спиной. Он наблюдал. Оценивал. И ничего не говорил.

В последний день занятий, когда я продержалась против Торна почти две минуты и даже сумела нанести ответный удар, он наконец подошёл.

— Завтра мы выступаем.

Я утёрла пот со лба и уставилась на него.

— Куда?

— К северной границе. Светлые знают, что ты здесь. Требуют выдать тебя. Три дня — и они ударят. Это будет первое прямое столкновение за много лет.

Сердце пропустило удар.

— И что вы ответите?

— Я уже ответил. Сказал, что тебя здесь нет. Что я ничего о тебе не знаю. Они не поверили. Так что завтра встретим их лицом к лицу.

— Я не принадлежу вам, — машинально произнесла я, но в этот раз в моём голосе не было прежнего огня.

Вейн слегка склонил голову.

— Принадлежишь ты мне или нет — сейчас неважно. Ты здесь. Ты обучена. И завтра ты будешь стоять рядом со мной. Не как ключ. Не как ресурс. Как та, кто может защитить себя сама.

Он развернулся и ушёл, а я осталась стоять с открытым

ртом. Это было почти... уважение.

Ночь перед выступлением я не спала. Сидела у окна и смотрела на сумеречное небо. За эти недели оно стало почти привычным. Как и каменные стены, и запах озона, и далёкий гул огненных потоков. Я поймала себя на мысли о том, что уже не так сильно хочу сбежать. Не потому, что сдалась. А потому, что этот мир начал становиться... понятным.

Рассвет застал меня уже одетой и готовой. Рина принесла комплект одежды: тёмные брюки, высокие сапоги, облегающую тунику с длинными рукавами и лёгкий, но прочный жилет, усиленный серебристыми нитями. Она положила его на кровать и на мгновение задержала на мне взгляд.

— Ты справишься, — сказала она, и это прозвучало не как вопрос. — Я видела, как ты тренируешься.

От этой короткой похвалы потеплело внутри. Рина редко говорила что-то личное. Я кивнула, не находя слов.

— Защита от слабых импульсов, — пояснила она уже привычным сухим тоном. — Не спасёт от прямого удара, но даст тебе лишнюю секунду.

— Спасибо, — искренне сказала я.

Она коротко кивнула и вышла.

У ворот цитадели уже собрался отряд. Человек двадцать, все в тёмных доспехах, на поясах — жезлы и сферы. Торн возглавлял строй, и даже просто глядя на его массивную фигуру, я чувствовала себя немного увереннее. Он заметил мой взгляд и хмыкнул.

— Не дрейфь, новобранец, — прогудел он. — Я за тобой пригляжу.

Рейна стояла рядом с ним, гибкая и собранная, как натянутая тетива. Она ничего не сказала, но, встретившись со мной глазами, коротко кивнула. В этом жесте было больше поддержки, чем в иных речах.

Кейд проверял защитный купол, который накрывал площадку перед воротами, и его пальцы, испачканные сажей, порхали над прозрачной сферой. Он выглядел бледнее обычного, но, поймав мой взгляд, чуть улыбнулся.

— Купол настроен. Продержится долго... наверное, — добавил он тише. Я невольно улыбнулась в ответ.

Вейн ждал у края. Он был в том же тёмном костюме, что

и всегда, но теперь на его плечах лежал плащ — чёрный, подбитый серебристым мехом. Он выглядел именно так, как должен выглядеть Король Нижнего мира: опасный, властный, несокрушимый.

— Готова? — спросил он, когда я подошла.

— А если скажу «нет», это что-то изменит?

— Нет, — он чуть дрогнул уголком губ. — Но ты всё равно скажешь «да». Потому что ты не трусиха. Я знаю.

Я промолчала. Он был прав.

Мы вышли, когда сумеречное небо чуть посветлело. Шли быстро, но не бегом. Отряд двигался слаженно: впереди разведчики, по бокам — стражи с жезлами наготове, в центре — я, Вейн и Кейд. Рейна и Торн замыкали колонну. Дорога заняла несколько часов. Мы миновали огненные потоки, прошли через ущелье, где, по словам Вейна, жили скальные гончие. К счастью, днём они спали, и мы не встретили ни одной. А затем местность начала меняться: лава исчезла, уступив место промёрзшей земле. Воздух стал холоднее, и я поёжилась, несмотря на тёплую тунику.

— Граница, — произнёс Вейн, останавливаясь.

Впереди простиралось поле, покрытое инеем. А за ним возвышалась стена — не каменная, а сотканная из света. Мерцающая, переливающаяся, уходящая в небо на невообразимую высоту. Барьер. И перед ним стояли они. Светлые. Их было больше, чем нас, — может, тридцать или сорок. Все в белых и золотых доспехах, сияющих так, что глазам было больно. Они стояли ровными рядами, и над ними колыхалось знамя — золотое солнце на белом фоне.

— Король Вейн! — раздался голос с той стороны. Вперёд выступил высокий мужчина с длинными серебряными волосами и глазами цвета льда. — Ты пришёл лично. Приятно видеть, что ты всё ещё ценишь дипломатию.

— Дипломатию? — отозвался Вейн, и его голос разнёсся по полю. — Ты прислал ультиматум, Орэн. Это не дипломатия. Это угроза.

— Констатация факта, — поправил Орэн. — Та, кого вы прячете, находится на твоей территории. По законам Равновесия она должна быть уничтожена. Ты это знаешь.

— По законам Равновесия, — повторил Вейн, и в его тоне прозвучала издёвка, — каждый мир имеет право на выживание. Мой мир умирает. Эта девушка — наш шанс. Ты

предлагаешь мне отдать её?

— Я предлагаю тебе избежать войны, — Орэн шагнул вперёд. — Отдай Аномалию. Мы уничтожим её быстро и безболезненно. И твой мир останется в покое.

— А если не отдам?

Ледяной взгляд Орэна скользнул по мне. Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Тогда мы заберём её силой, — произнёс он. — Вместе с твоим миром.

На мгновение повисла тишина. Я смотрела на строй Светлых, на их сияющие доспехи, на холодные лица, и понимала: это не шутка. Они действительно пришли убить меня. И они не остановятся.

— Ответ — нет, — произнёс Вейн.

И битва началась.

Первая атака пришлась на Торна. Светлые ударили — десяток серебристых зарядов врезался в его щит, заставив пошатнуться. Я вскинула руку, выставляя защиту, и тут же

почувствовала, как амулет на запястье нагрелся. Поток силы хлынул через меня, и вокруг Торна возник полупрозрачный барьер — тот самый, что я научилась ставить на тренировках. Энергия струилась сквозь тело, словно горячая река, и на мгновение меня захлестнула эйфория — чувство собственной мощи, пьянящее и жуткое. Амулет вибрировал, принимая на себя излишки, и это позволяло не выгореть сразу. В висках застучало — глухо, настойчиво.

— Спасибо, — бросил Торн, поднимаясь. В его голосе слышалось искреннее облегчение.

— Не за что!

Вейн уже двигался. Он шёл вперёд сквозь град зарядов, и его энергия пылала вокруг него мерцающей аурой. Я видела, как он взмахнул рукой — и троих Светлых отбросило назад. Ещё взмах — и чей-то щит разлетелся вдребезги. Он был страшен. Великолепен. И я вдруг осознала, что засмотрелась.

— Элис, слева! — крик Кейда вырвал меня из оцепенения. В его голосе слышалась паника, смешанная с концентрацией.

Я обернулась и увидела, как на меня несётся фигура в бе-

лом. Я выставила руку и послала ответный удар — тот самый, которому учил Торн. Сила сорвалась с ладони и достигла цели. Светлый рухнул на землю.

И мир на мгновение замер.

Я смотрела на упавшее тело и не могла отвести взгляд. На тренировках всё было иначе. Там были манекены, щиты, условности. А здесь... Это был живой человек. Я не знала, жив ли он ещё или уже мёртв. Внутри разлился холод, смывая остатки боевого азарта. Кончики пальцев, из которых только что вырвалась сила, начало покалывать — сначала слабо, потом ощутимее, словно их кололи сотни крошечных иголок. Голова закружилась — то ли от выброса энергии, то ли от осознания того, что я только что сделала.

— Я... я не хотела... — прошептала я.

— Смотри на меня! — рыкнул Торн, перехватывая мой взгляд. — Ты его не убила, ты его остановила. Это разница. А теперь соберись, второй слева!

Он был прав. Но дрожь в руках осталась. Я вскинула ладонь, ставя новый щит, и краем глаза заметила, как Вейн на секунду обернулся в мою сторону. Его взгляд — быстрый и острый — не был осуждающим. Он просто проверял, жива

ли я. И этого короткого мгновения хватило, чтобы дыхание выровнялось.

Битва распалась на отдельные схватки. Рейна сражалась с двумя Светлыми одновременно, её захваты опутывали их, не давая пошевелиться. Она двигалась как тень — невозможно грациозно для столь смертоносного танца. Кейд держал купол над нашим отрядом, и я видела, как по его лицу течёт пот. Его губы беззвучно шевелились: то ли он выговаривал формулы, то ли читал молитвы. А я стояла в центре, выставляла щиты, отбивала летящие сгустки света и пыталась не думать о том, что я только что сделала с тем воином в белом. Руки начинали дрожать от усталости, а каждый новый щит давался всё труднее, словно из меня по капле вытягивали жизнь. После особенно мощного барьера перед глазами на мгновение поплыли тёмные пятна, и я пошатнулась, но устояла. Пальцы снова закололо, а по телу пробежала волна жара, сменяющаяся ознобом.

А потом я увидела Вейна. Он бился с Орэном. Их энергия сталкивалась, и воздух вокруг них плавился. Орэн был быстр — быстрее, чем я могла уследить взглядом, — но Вейн держался. Он блокировал, уклонялся, атаковал. Я чувствовала, как моя собственная сила тянется к нему сквозь пространство, словно пытаюсь помочь. И вдруг я ощутила отголосок его усталости — глухую боль в боку, ту самую, от которой он

едва заметно поморщился. Синхронизация работала в обе стороны.

И вдруг его взор метнулся ко мне.

— Элис! Барьер! Сейчас!

Я не думала. Тело среагировало раньше разума. Я выбросила руки вперёд и представила стену — не вокруг себя, не вокруг кого-то из наших, а прямо между Вейном и Орэном. Серебристая пелена вспыхнула и затвердела. Орэн, уже занёсший руку для удара, осёкся. В его ледяных глазах мелькнуло неверие — лишь на долю секунды, но я успела это заметить. Его следующий удар разбился о преграду, осыпавшись бесполезными искрами. По толпе за моей спиной пробежал изумлённый вздох. Даже Торн на мгновение отвлёкся от боя, чтобы посмотреть на дело моих рук. Вейн воспользовался заминкой. Он ударил — не вспышкой, а чем-то иным, что я не видела, а только почувствовала. Орэн отлетел назад и тяжело рухнул на землю.

На мгновение всё замерло.

— Командир ранен! — раздался голос среди Светлых, полный паники.

— Отступаем! Немедленно! — поддержал его другой. — Она опаснее, чем мы думали.

Их строй дрогнул, и они начали отходить к Барьеру, бросая на меня насторожённые взгляды. Один из них, совсем молодой на вид, на секунду задержался и посмотрел прямо на меня — не с ненавистью, а со страхом пополам с любопытством. Торн хотел преследовать, но Вейн остановил его.

— Достаточно. Они вернутся с подкреплением. Нам нужно подготовиться.

Орэн поднялся с земли. Его доспех был помят, но он держался на ногах.

— Ты ещё пожалеешь об этом, Король, — прохрипел он, сплёвывая кровь. — И твоя Аномалия — тоже. Вы оба пожалеете.

Перед тем как скрыться за пеленой Барьера, он бросил на меня последний, долгий взгляд. В нём не было прежнего холода. В нём было расчётливое, тяжёлое узнавание — словно он впервые увидел во мне не просто «ресурс», не просто «аномалию», а реальную угрозу, которую стоит бояться. Его губы скривились в злой усмешке, а кулаки на мгновение сжались — так сильно, что побелели костяшки. Затем он исчез.

Вейн повернулся ко мне. Его лицо было перепачкано сажей, плащ порван, но глаза горели тем самым огнём, который я запомнила с первой встречи. И на этот раз в них не было холода. Было что-то другое.

— Ты поставила барьер, — произнёс он, подходя ближе. — Между мной и Орэном. Не вокруг себя. Не вокруг отряда. Точно.

— Ты попросил, — тихо ответила я.

— Я приказал, — поправил он, но в его голосе не было резкости. — И ты сделала это. Идеально.

Я не нашлась, что ответить. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, и только сейчас я поняла, что меня трясёт — не от холода, а от напряжения боя. Вейн смотрел на меня долгим взглядом. А потом вдруг протянул ладонь и коснулся амулета на моём запястье. Камень внутри него мерцал ровно, спокойно.

— Ты хорошо держалась, — произнёс он. — Лучше, чем я ожидал.

— Это потому что ты был рядом, — ответила я, и слова

вырвались раньше, чем я успела их обдумать. — Я чувствовала тебя. Там, внутри. Ты... держал меня.

Он помолчал.

— То, что между нами, работает в обе стороны. Ты тянешься ко мне, когда тебе нужна опора. А я... — он осёкся. — Это помогает тебе контролировать силу. Но этого недостаточно.

— Недостаточно для чего?

— Для Барьера, — он посмотрел мне прямо в глаза. — Ты можешь ставить щиты и наносить удары. Но чтобы разрушить энергетическую плотину, которая стоит тысячу лет, нужна полная синхронизация. Не просто контакт — слияние. Я должен чувствовать твою энергию как свою, а ты — мою. Только так мы сможем ударить в слабую точку одновременно.

— И для этого нужна глубокая синхронизация, — тихо сказала я.

— Да. Слияние сознаний. Это больше, чем то, что мы делали до сих пор. Это... интимно. Очень интимно.

Я сглотнула.

— Ты увидишь меня, — продолжил он. — Моё прошлое. Мои... ошибки. А я увижу тебя. Твою боль. Твои страхи. Это не просто тренировка. Это...

— Доверие, — закончила я за него.

Он кивнул.

— Ты готова?

Я вспомнила, как он говорил об этом раньше. Тогда эта мысль пугала. Теперь — не так сильно.

— Когда?

— Завтра, — он отпустил мою руку и развернулся к отряду. — Возвращаемся в цитадель.

Мы возвращались тем же путём, каким пришли. Я с трудом переставляла ноги от усталости, и теперь, когда боевой азарт схлынул, тело начало ощущать последствия. Мышцы ныли так, словно я не спала целую неделю. Перед глазами всё ещё плавали тёмные пятна — следствие перерасхода энергии. Даже дышать было тяжело. В висках всё ещё глу-

хо пульсировало, а пальцы покалывало, как после удара током. Кейд, проходя мимо, негромко заметил: «Это нормально. Твоё тело привыкает к большим объёмам энергии. Через пару часов отпустит». Его слова немного успокоили.

В какой-то момент Вейн, не говоря ни слова, взял меня за локоть и помог перебраться через замёрзший валун. Я не поблагодарила. Но его ладонь была тёплой, и я не торопилась отдёргивать руку.

Пока мы шли, я вспоминала тренировки. Как Торн снова и снова заставлял меня ставить щиты, пока руки не начинали неметь. Тогда я злилась, не понимая, зачем он так меня гоняет. Теперь я поняла. Я знала, как выставить барьер, потому что отрабатывала это сотни раз. Но больше всего в бою мне помогло не это.

Вспомнилось, как однажды вечером Вейн задержал меня после тренировки. «Когда будет совсем трудно, — сказал он тогда, — найди точку покоя. Не в себе. Во мне. Представь, что между нами натянута нить. Держись за неё». Тогда я не поняла, о чём он. А сегодня, в самый критический момент, когда я ставила барьер между ним и Орэном, я нащупала эту нить. Она действительно была там — тёплая, пульсирующая, связывающая нас. И я держалась за неё.

И всё же одно дело — тренироваться, а совсем другое — сделать это, когда от твоего щита зависит чья-то жизнь.

Я вспомнила слова Вейна о доверии. О слиянии. О том, что он увидит мою боль, а я — его ошибки. Раньше я бы ни за что на это не согласилась. Но теперь... что-то изменилось. Может быть, я устала быть одна. Может быть, начинала верить, что рядом с ним мне нечего бояться. Даже перед лицом собственного прошлого.

У ворот цитадели нас встретила Рина. Она окинула взглядом наш потрёпанный отряд и молча поклонилась Вейну.

— Целители ждут, — сказала она. — Всех. Немедленно.

— Сначала Элис, — приказал Вейн.

— Со мной всё в порядке, — возразила я, хотя колени подгибались.

— Это не обсуждается, — он посмотрел на меня, и в его взгляде я увидела не холод, а что-то совсем иное. Беспокойство. Заботу. И, может быть, что-то большее.

Я не стала спорить.

Позже, когда целители обработали мои синяки и я лежала в своей комнате, глядя в знакомый каменный потолок, во мне нарастало странное ощущение. Завтра — глубокая синхронизация. Завтра я увижу его прошлое. А он — моё. В животе будто завязался тугой узел, но это был не страх. Скорее... ожидание. Тревожное, но неизбежное.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором снова возникла картина: Вейн, стоящий напротив Орэна, энергия, плавящая воздух вокруг них. Я вспомнила, как бросила щит — не вокруг себя, не вокруг отряда, а точно, между ними. Как он вспыхнул и затвердел. Как Орэн отлетел назад.

Это был первый раз, когда я осознанно использовала силу не для защиты, а для вмешательства. Для изменения хода битвы. И это сработало.

Завтра будет ещё сложнее.

Но я готова.

Глава 8. Тени прошлого

От лица Элис

После битвы на северной границе меня трясло ещё несколько часов. Не от страха — от напряжения. Я впервые использовала свою силу по-настоящему. Не на тренировке, не на безопасном щите Кейда, а в реальном бою, где каждая ошибка могла стоить жизни. И я справилась.

Я стояла под горячими струями, уперевшись лбом в холодный камень. Вода смывала сажу и пот, но не ту тяжесть, что поселилась в груди. Я ранила того Светлого. Может быть, убила. Я не знала точно.

Я закрыла воду, вытерлась и надела чистую тунику, которую Рина оставила на скамье. Волосы были влажными, плечо всё ещё ныло, но в голове наконец прояснилось. Я вышла из душевой в свою комнату и замерла.

Вейн стоял у окна, спиной ко мне. Он обернулся на звук моих шагов, и его взгляд скользнул по моему лицу, на мгновение задержавшись на мокрых волосах. В его глазах мелькнуло что-то — не холод, не осуждение, а скорее... оценка. Как будто он проверял, цела ли я.

— Ты не убила его, — произнёс он. — Тот Светлый, в которого ты попала. Он был без сознания, но жив. Я проверил.

Я выдохнула. Значит, я не убийца. Пока что.

— Спасибо, что сказали.

— Это не утешение, — он отвёл глаза, снова становясь официальным. — В следующей битве тебе, возможно, придётся убить по-настоящему.

— Я не хочу быть готова к такому.

— Никто не хочет, — его голос стал тише. — Но когда защищаешь то, что тебе дорого, выбора не остаётся.

Он помолчал.

— Ты хорошо держалась там, на границе. Лучше, чем я ожидал. Та связь, что между нами, помогла тебе контролировать поток. Но для Барьера этого мало. Нужна полная синхронизация. Слияние сознаний. Я говорил об этом вчера — и я не шутил насчёт того, что это потребует от тебя большего, чем просто контроль.

— Вы хотите залезть мне в голову.

— Я хочу, чтобы мы оба залезли друг другу в головы, — поправил он. — Ты увидишь меня так же, как я увижу тебя. Это поможет нам достичь уровня, необходимого для разрушения плотины. Но я не стану проводить ритуал без твоего согласия.

Я молчала. Мысль о том, что кто-то увидит мои воспоминания — чувство вины, которое я несла с пяти лет, приют, одиночество, — вызывала тошноту. Но другая мысль перевесила: я тоже увижу его. Увижу то, что он не договаривал в тренировочном зале. То, что прятал за ледяным взором.

— Хорошо, — сказала я. — Что мне делать?

Он кивнул и направился к двери. Я пошла за ним, и мы молча миновали несколько коридоров, пока не оказались в круглой комнате в самом сердце цитадели. Я никогда не была здесь раньше.

Это место отличалось от всего, что я видела. Стены здесь были покрыты древними фресками — настолько старыми, что краски почти выцвели, но можно было различить фигуры Высших, застывших в странном танце вокруг огня. Их лица были стёрты временем, но позы — полные благогове-

ния — говорили о том, что этот зал когда-то был священным. Потолок терялся в темноте, и я не могла разглядеть его сводов — лишь слабое, пульсирующее свечение где-то высоко над головой, словно далёкая звезда.

Каменный пол под ногами оказался тёплым — почти горячим, будто под ним скрывался источник живой энергии. Исчерченные светящимися линиями плиты образовывали сложный узор, который мягко мерцал в полумраке, то разгораясь, то затухая, словно дыша. По краям круга стояли две чаши с лунным огнём — не резким, как в тренировочном зале, а спокойным, обволакивающим. Их свет золотистыми бликами ложился на стены, и в этом тёплом сиянии даже каменные своды казались не такими давящими. Воздух пах чем-то сладковатым и пряным — может быть, благовониями, которые добавляли в чаши.

— Сядь в центр, — велел Вейн. — Лицом ко мне.

Я опустилась на тёплый камень. Он сел напротив и протянул руки ладонями вверх.

— Дай мне свои руки.

Я вложила ладони в его. Кожа была тёплой. Амулет на запястье мягко запульсировал. Я заметила, что Вейн сжал и

разжал кулаки, прежде чем взять мои руки — короткий, почти незаметный жест. Он тоже нервничал. Эта мысль странным образом придала мне уверенности.

— Видения могут быть хаотичными, — произнёс он. — Ты увидишь обрывки, вспышки, фрагменты. Не пытайся выстроить их в логическую цепь. Просто позволь им течь. И главное — не сопротивляйся. Если ты начнёшь закрываться, ритуал оборвётся, и нам придётся начинать заново. С первого раза это... тяжело.

— Я поняла.

— Тогда закрой глаза. Я не причиню тебе вреда.

Я закрыла глаза. И мир исчез.

Сначала была только темнота и жар его ладоней. Потом тепло начало подниматься вверх по рукам, к плечам, к голове. Я почувствовала, как что-то мягко касается края моего сознания — не вторгается, а стучится. Дыхание сбилось. Сердце пропустило удар. Я сделала глубокий вдох и открыла эту дверь.

И провалилась в чужие воспоминания.

Первое, что я увидела, — огромный зал, залитый золотым сиянием. Высшие в белом и золотом стояли стройными рядами, и перед ними говорил командир. Его голос был вдохновенным, торжественным:

— Мы — щит. Мы защищаем Равновесие. Нижний мир угрожает всем. Если мы не остановим их сейчас, они уничтожат всё, что мы построили.

И среди воинов стоял Вейн. Молодой, гордый, с горящими глазами. Он слушал командира и верил. Верил каждому слову.

Потом видение сменилось — битва. Не та, что на северной границе. Эта была масштабнее, яростнее. Лавовые реки горели, небо налилось багровым от огня. Вейн сражался — умело, беспощадно. Его сила косила Тёмных одного за другим. Я видела, как падают воины в тёмных доспехах, как кричат женщины и дети.

Он не видел в них людей. Он видел врагов.

Картинка сменилась снова. Теперь он стоял на балконе — красивом, увитом плющом, — и смотрел на женщину. Она была высокой, с длинными чёрными волосами и глазами, похожими на сапфиры. Она улыбалась.

— Ты другой, — сказала она. — Не такой, как остальные Светлые. Ты слушаешь.

— Я просто хочу понять, — ответил он.

Их пальцы переплелись. В этом жесте было столько нежности, что у меня защемило сердце.

Потом видения стали рваными, как разорванная книга. Крики. Огонь. Лава, застывающая чёрной коркой. И он — бегущий сквозь руины. А потом — она, лежащая на земле. Та самая женщина. Саэль. Из её груди торчал осколок энергии, а сапфировые глаза медленно угасали.

— Ты говорил, что защищаешь Равновесие, — прошептала она, и её голос был тихим, как дуновение ветра. — Но ты защищаешь их жадность. Посмотри вокруг. Это не война. Это уничтожение.

Он огляделся. Горящие дома. Мёртвые дети. Лава, которая остывала, превращаясь в чёрный камень. И что-то изменилось в его лице. Ужас. Осознание. Вина.

— Прости меня, — выдохнул он, сжимая её руку. — Прости. Я не знал.

— Теперь знаешь. Обещай мне. Верни жизнь. Верни тепло. Верни надежду. Обещай.

— Обещаю. Клянусь.

Она умерла. А он остался сидеть среди руин, держа её руку в своей.

Видения понеслись дальше, быстрее. Он уходит из Верхнего мира. Собирает выживших — измученных, перепуганных, тех, кого не добились. Начинает строить цитадель. Своей энергией питает их, держит на плаву, пока Барьер высасывает остатки тепла из этого мира. Год за годом. Век за веком. Тысяча лет вины и обещания, которое он не может нарушить.

А потом — библиотека. Дождь за окном. Девушка за стойкой, которая вздрогнула, когда он вошёл. Он смотрел на неё — на меня — и чувствовал то, чего не чувствовал веками. Надежду.

Видения оборвались. Я открыла глаза и поняла, что по моим щекам текут слёзы. Напротив меня всё так же сидел Вейн, но его лицо было бледным, а зрачки — широко раскрытыми. Он тоже видел. Мои воспоминания. Приют. Холодные ночи.

Воспитателей, которые говорили: «С тобой вечно что-то не так». Тётю, которая назвала меня проклятием. Пожар. Родителей, которые не вышли из огня.

— Ты была одна, — произнёс он хрипло. — Всю жизнь.

— Как и вы, — ответила я, не узнавая собственный голос.

Мы сидели на каменном полу, всё ещё держась за руки. Его ладони были влажными, почти горячими — как и мои, — и тепло их касания не хотело отпускать. Светящиеся линии на полу медленно гаснули, и в наступающей темноте я видела только его глаза. Они больше не были холодными. Они горели.

Я вспомнила, как впервые увидела его — там, в библиотеке. Холодный, властный, чужой. Он назвал меня «ничем». Ресурсом. Ключом. А теперь я видела, как он стоит среди руин и клянётся умирающей женщине вернуть жизнь в её мир. Та самая надежда, которую он дал Саэль, теперь странным образом была направлена на меня. Я — его шанс выполнить обещание. Но теперь я чувствовала, что это не единственная причина, по которой он смотрит на меня так.

— Женщина из ваших воспоминаний, — тихо спросила я. — Кто она?

Он долго молчал, глядя в гаснущий круг. Потом ответил — коротко, с трудом, будто каждое слово вырывали клещами:

— Саэль. Она была из Нижнего мира. Мы встретились до войны. А потом она погибла.

Он не сказал больше ничего. Не стал объяснять, почему она умирала у него на руках. Почему он клялся вернуть жизнь в Нижний мир. Но я и так поняла — из обрывков видений, из того, что видела. Он был там. Он сражался. И её смерть была на его совести.

Я не стала спрашивать дальше. Не сейчас. Он не был готов говорить об этом — я видела по его лицу, по тому, как побелели костяшки сжатых кулаков, как напряглись плечи.

Я не знала, кто потянулся первым. Может быть, он. Может быть, я. Но наши лица вдруг оказались ближе, и я почувствовала его дыхание на своих губах. Его пальцы коснулись моей щеки — осторожно, почти невесомо, стирая влажную дорожку. На мгновение они замерли у виска, будто решаясь на что-то большее, а затем скользнули вниз, к подбородку. Он смотрел на меня так, будто видел впервые — не Аномалию, не ключ, а человека.

— Элис, — прошептал он, и в его голосе было что-то, чего я никогда раньше не слышала. Не приказ. Не холод. Что-то почти... умоляющее.

Я закрыла глаза и подалась вперёд. Наши губы встретились — на одно короткое, обжигающее мгновение. Это был не поцелуй. Скорее, обещание поцелуя. Вопрос, оставленный без ответа.

Он отстранился первым. Медленно, словно преодолевая сопротивление. Его руки выпустили мои, и он поднялся.

— На сегодня хватит, — произнёс он, отворачиваясь.

Я осталась сидеть на полу, прижимая пальцы к губам и чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Он отошёл к чаше с лунным пламенем. Сжал её край, и пламя дрогнуло, прежде чем он заговорил снова. Его голос звучал глухо.

— Мы не пойдём к Барьеру завтра. Я думал, ты готова. Но теперь, после того, что я увидел... — он замолчал. — Ты прошла через ад. Гораздо более страшный, чем я мог предположить. И ты всё ещё держишься. Но твоя сила подпиты-

вается эмоциями, а твои эмоции — это открытая рана. Если мы пойдём к Барьеру сейчас, ты выгоришь. Я не могу этого допустить.

— Значит, я недостаточно сильна, — произнесла я, и голос прозвучал глухо.

Он повернулся ко мне. В отблесках пламени его лицо казалось высеченным из камня, но глаза... глаза были живыми.

— Ты самая сильная из всех, кого я знал. Но даже сильным нужно время. Мы продолжим тренировки. Ты будешь заниматься с Торном, Рейной и Кейдом. А когда ты будешь готова — не технически, а здесь, — он коснулся пальцами своей груди, — тогда мы пойдём. И не днём раньше.

Он направился к выходу.

— Вейн, — окликнула я. Он обернулся. — Спасибо. За то, что показали мне. И за то, что не торопите.

Он ничего не ответил. Но уголок его губ дрогнул — почти неуловимо. И вышел.

Я осталась одна в гаснущем круге ритуала. Амулет на запястье мерцал ровно. В голове крутились обрывки увиден-

ного — война, Саэль, его клятва. И его глаза, когда он смотрел на меня после ритуала. Это было странное чувство: я знала его всего несколько недель, но теперь понимала так, как не понимала никого за всю свою жизнь. И он понимал меня. Видел ту боль, которую я прятала от всех. Не испугался. Не отшатнулся.

Я всё ещё боялась того, что между нами происходит, — боялась этой новой близости, этого странного тепла, которое не имело ничего общего с магией. Но отсрочка... отсрочка была правильной. Я не хотела, чтобы он видел мою слабость там, у Барьера. Я хотела быть готовой. По-настоящему готовой.

Амулет на запястье чуть потеплел, будто одобряя мою решимость.

Я поднялась с пола и направилась к выходу. Завтра — тренировка. Завтра я стану сильнее. Ради него. Ради этого мира. Ради себя.

Глава 9. Король

От лица Вейна

Я стоял у окна в своём кабинете и смотрел на сумеречное небо. Руки всё ещё дрожали. Не от слабости — от того, что я только что увидел. Её жизнь, вырванная ритуалом, всё ещё пульсировала в моём сознании — чужая боль, которая теперь стала моей. Незаживающая рана.

Огонь. Маленькая девочка, которую выносят на руках, а она кричит и тянется обратно, туда, где остались её родители. Тётя, которая смотрит не с жалостью, а со страхом и обвинением. «Это ты. Ты убила свою мать и отца. Ты — проклятие». Приют. Серые стены. И ни единой слезинки на лице ребёнка, который разучился плакать.

Но это было не всё. Я видел другие, ещё более страшные картины — те, что она прятала глубже всего.

Вот ей шесть лет, и тётя запирает её в чулане за то, что в гостиной перегорел свет. «Пока не поймёшь, что ты опасна, будешь сидеть здесь». Она сидит в темноте, обхватив колени руками, и шепчет: «Я не хотела. Я правда не хотела». Но её никто не слышит. Никто не придёт, чтобы выпустить. И

в этой темноте она впервые понимает: она — плохая. Она — причина всех бед. И если её не любят, значит, она этого заслуживает.

Вот ей семь, и она впервые в приюте. Другие дети дразнят её «сгоревшей» — они слышали, как воспитательницы перешёптывались о пожаре. Она не отвечает. Она уже знает: если её бояться, с ней не будут дружить. А если не будут дружить — не смогут предать. Она строит стену. В семь лет.

Вот ей двенадцать, и она пытается объяснить социальному работнику, почему от неё ломается техника. «Я не специально, — говорит она. — Это случается, когда я... когда мне страшно». Работник отшатывается: «Ты что, колдунья?» Она не знает, что ответить. Она сама не понимает, кто она. Но в тот вечер она впервые думает: может, лучше бы я сгорела вместе с ними. Может, это было бы правильно. Может, тогда бы никто больше не пострадал.

Вот ей шестнадцать, и она стоит над постелью мальчика, с которым её поселили в одной приёмной семье. У него астма, и в комнате круглосуточно работает электрический ингалятор. Ночью у мальчика начинается приступ. Элис вскакивает с кровати, бросается к нему — и в этот момент от её всплеска эмоций ингалятор гаснет. Просто перестаёт работать. Она пытается его перезапустить, но техника не под-

чиняется — как и всегда рядом с ней. Мальчик задыхается, она кричит, зовёт родителей. Скорая успевает. Мальчик выжил. Но врачи сказали: «Если бы ингалятор не отключился, приступ был бы купирован сразу». И приёмные родители посмотрели на неё — не с гневом, а с ледяным, расчётливым страхом. «Ты чуть не убила нашего сына. Ты опасна». И вернули её обратно. Она не спорила. Она знала: они правы. Её способность действительно стала причиной. И она снова доказала, что она — угроза.

Вот ей девятнадцать, и она работает в круглосуточной библиотеке. Сидит за стойкой и читает книгу, потому что книги — единственное, что не ломается от её присутствия. Книги не боятся её. Книги не отшатываются. Книги не возвращают обратно. Она больше не пытается заводить друзей. Не пытается быть нормальной. Она просто существует. День за днём. Год за годом. Одна.

Я прожил тысячу лет. Я видел, как рождаются и умирают миры. Я строил города из собственной энергии и хоронил тех, кого любил. Я думал, что меня уже ничем не удивить и не пробить.

Я ошибался.

Девчонка из библиотеки. Сирота. Человек, который в

пять лет потерял родителей в пожаре, а в семь был брошен единственной родственницей. Она выросла в приюте, убеждённая, что её прикосновение приносит только разрушение. Её наказывали за то, чего она не могла контролировать. Её обвиняли в том, в чём она не была виновата. Её возвращали, как надоевшую вещь. И в какой-то момент она перестала пытаться. Перестала ждать. Перестала надеяться. Она смирилась с тем, что она — чудовище. Что она — проклятие. Что она не заслуживает ничего хорошего.

И при этом — я видел это в её воспоминаниях — она не озлобилась. Не стала жестокой. Не возненавидела мир. Она просто... жила. Работала в ночную смену. Читала книги. Мечтала о том, чего у неё никогда не было.

И она показала мне всё это. Добровольно. Потому что доверилась.

Я сжал кулаки так, что побелели костяшки. Доверие. Она доверилась мне — человеку, который похитил её, запер в цитадели и назвал «ресурсом». Я был таким же, как её тётя, как те приёмные родители, как все, кто видел в ней только угрозу. Я не спросил, чего она хочет. Я просто взял то, что мне было нужно.

И что я сделал с этим доверием? Взял её энергию, её вос-

поминания, её боль — всё, что она так долго прятала, — и сделал это частью нашего ритуала.

Ради Нижнего мира. Ради спасения. Ради великой цели.

Но когда я увидел её слёзы — там, в круге ритуала, когда она смотрела мои воспоминания и плакала не о себе, а обо мне, — что-то треснуло. Где-то глубоко внутри, там, где я семьсот лет хранил память о Саэль.

Саэль. Я не позволял себе думать о ней годами. Но сегодня, когда я сидел напротив Элис и чувствовал, как наши энергии сплетаются, я вдруг вспомнил. Её голос. Её смех. Её привычку тереть край рукава, когда она нервничала. Как она говорила: «Ты строишь мир для всех. А кто построит мир для тебя?»

Я думал, что ответа на этот вопрос нет. Думал, что после её смерти я перестал быть кем-то, кому нужен свой мир. Я стал Королём — функцией, инструментом спасения для сотен тысяч Тёмных. И этого было достаточно.

Но сегодня, когда Элис сказала: «Вы не один. Больше нет», — я почти поверил.

Почти.

Я отошёл от окна и плеснул в стакан воды. Рука не дрожала — я заставил её быть твёрдой. Я был зол. На неё — потому что она заставила меня чувствовать то, что я запретил себе чувствовать. На себя — ведь я позволил этому случиться и оказался ничем не лучше тех, кто причинил ей боль. На Саэль — за то, что она умерла и оставила меня одного. На весь мир, который не даёт мне просто быть.

В дверь постучали. Рина вошла с докладом — что-то о провизии для восточного крыла. Я оборвал её на полуслове: — Позже.

Она замерла, пристально посмотрела на меня — слишком пристально, словно видела то, что я прятал. Её взгляд скользнул по моим побелевшим костяшкам, по каплям воды на столе, по напряжённым плечам. В её серых глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость, но она тут же спрятала это за привычной выправкой.

— Ты видел что-то, что тебя изменило, — произнесла она. Это был не вопрос. — Я знаю этот взгляд. Когда-то я смотрела так же — после того, как потеряла мужа. После того, как поняла, что мир не будет прежним.

Я не ответил. Да и не нужно было.

Рина помолчала, потом шагнула ближе и накрыла мою руку своей — сухой, тёплой ладонью. За пятьсот лет она никогда не позволяла себе такого. Я замер.

— Будь с ней осторожен, — тихо сказала она. — Она сильнее, чем кажется. Но даже сильные могут сломаться, если на них давить.

Она убрала руку, коротко кивнула и вышла, оставив меня одного. Я проводил её взглядом и заставил себя выдохнуть. Она была права. Я знал это. И от этого было только тяжелее.

Десять веков я держал дистанцию. Десять веков я не подпускал никого слишком близко. Потому что близость означает боль. Близость означает уязвимость. Близость означает, что однажды ты снова будешь стоять над могилой той, кого любил, и думать: «Я мог бы её спасти. И не спас».

Но Элис... она не заслужила, чтобы я стал ещё одним человеком, который её оттолкнёт. Она и так провела всю жизнь в одиночестве — в чулане, в приюте, в библиотеке. Если я сейчас отстранюсь, я сделаю ровно то же, что делали все остальные. Я подтверждаю то, во что она верит с детства: что она опасна, что её нельзя любить, что от неё нужно держаться подальше.

Я не могу так с ней поступить. Но я не знаю, как по-другому.

Я сжал переносицу, чувствуя, как усталость наваливается свинцовой тяжестью. Я прожил тысячу лет. Я командовал армиями, строил города, вёл переговоры с Советом. Но я не умею быть... просто человеком. Не умею быть рядом. Не умею давать тепло, не требуя ничего взамен.

Саэль когда-то сказала: «Ты строишь мир для всех. А кто построит мир для тебя?»

Тогда я не знал ответа. Не знаю и сейчас.

Но, кажется, Элис — единственная, кто может мне его дать. Если я позволю. Если не испугаюсь.

Я посмотрел на своё отражение в тёмном стекле. Серебристые глаза, которые видели слишком многое. Лицо, которое разучилось улыбаться. Плечи, которые держали на себе целый мир.

— Ты Король, — произнёс я вслух. — Но, может быть, ей не нужен Король. Может быть, ей нужен просто ты.

Отражение молчало.

Я вытер руку о рубашку и направился к двери. Завтра тренировка. Я не знал, как буду вести себя с ней. Но я знал одно: я не стану ещё одним человеком, который её бросил. Я не стану её тётей. Не стану теми приёмными родителями. Не стану очередным именем в списке тех, кто её предал.

Этого я не допущу.

Но сегодня — только сегодня — я позволил себе помнить. Саэль. Её смех. Её слова. И лицо Элис, когда она плакала обо мне. Девочка, которую называли проклятием. Девочка, которая считала себя чудовищем. Девочка, которая не ждала ничего хорошего от мира, — а потом спасла мой.

Завтра всё будет иначе. Я не знаю, как именно. Но я постараюсь.

Потому что она заслуживает хотя бы попытки.

Глава 10. Земля теней

От лица Элис

Следующее утро началось не с тренировки. Рина принесла завтрак, но вместо того чтобы уйти, осталась стоять у двери.

— Король велел передать: сегодня ты идёшь в долину, — произнесла она. — Не в поселение у скалы. Дальше. Туда, где живут те, у кого почти не осталось энергии.

Я оставила кружку.

— Зачем?

— Он сказал, ты должна увидеть. Будь осторожна. Там другие порядки. И люди другие.

Через полчаса я стояла у ворот цитадели. Вейн ждал меня один. Без свиты. Без Торна, без Рейны, без Кейда. Только он, в своём неизменном тёмном плаще, и я.

— Где все? — спросила я.

— Сегодня без них, — ответил он коротко. — Идём.

Мы спускались по знакомой тропе, но на полпути он свернул в другое ущелье — более узкое, более тёмное. Здесь лавовых рек не было, только холодный камень и сухой, колющий ветер. Воздух стал тяжелее, пропитанный запахом пепла и старости, словно сама земля помнила, какой была раньше, и скорбела об утраченном. Я куталась в тунику и старалась не отставать, чувствуя, как холод проникает под одеж-

ду, пробирая до костей. Вейн шёл молча, и я не нарушала тишину.

Через час мы вышли на край огромной впадины. Она выглядела как кратер — гигантская чаша, уходящая вниз на сотни метров. И там, на дне, ютились дома. Сотни домов, сложенных из того же чёрного камня, что и цитадель, но гораздо более старых и обветшалых. Некоторые были разрушены почти до основания — осыпавшиеся стены, провалившиеся крыши, пустые глазницы окон. Когда-то здесь кипела жизнь: наверное, дети бегали по этим улицам, женщины сушили бельё на верёвках, мужчины возвращались с охоты. Теперь улицы пустовали, а окна не светились. Они были тёмными. Мёртвыми.

— Что это за место? — прошептала я.

— Старая долина, — ответил Вейн. — Первое поселение в Нижнем мире. Я построил его почти тысячу лет назад. Тогда здесь царило тепло. Лавовые реки текли прямо под домами. А теперь... — он замолчал, глядя вниз. — Теперь это кладбище.

— Почему мы здесь?

— Потому что ты должна понять, — он повернулся ко мне. — Не просто увидеть на карте или услышать в докладах. Понять. То, что происходит с моим миром, — это не абстракция. Это реальные люди. Реальные смерти. Идём.

Мы спустились в кратер. Чем ближе мы подходили к домам, тем отчётливее я чувствовала странную пустоту. Здесь

не осталось энергии. Совсем. Амулет на моём запястье едва теплился, будто и он здесь угасал. Тишина стояла такая глубокая, что звон в ушах казался единственным доказательством того, что я ещё жива.

На улицах появились люди. Измождённые лица, тусклые взгляды, медленные движения. Их кожа была серой, почти как камень вокруг, а одежда — ветхой, залатанной десятки раз. Они не кланялись Вейну. Просто глядели на него — и в их взорах не было ни уважения, ни страха. Только усталость. Такая глубокая, что, казалось, она впиталась в самую почву этого места.

— Повелитель, — произнёс кто-то. Из ближайшего дома вышел старик, сгорбленный, с длинной седой бородой. — Ты снова здесь. Пришёл смотреть, как мы погибаем?

Вейн остановился. Его лицо оставалось невозмутимым, но я видела, как напряглись плечи — едва заметно, но достаточно, чтобы я поняла: эти слова задели его.

— Я пришёл не смотреть, Тамир. Я пришёл показать.

Старик перевёл взгляд на меня. Его глаза были выцветшими, почти белыми, но в них ещё теплилась искра — не энергии, а чего-то более древнего. Мудрости? Или, может быть, просто упрямства.

— Это она? Аномалия?

— Та, что может нас спасти.

Старик долго разглядывал меня, а потом покачал головой.

— Слишком поздно. Моя жена умерла в прошлом меся-

це. Сын — полгода назад. Внуки ушли на север, к границе, искать лучшей доли. А лучшей доли нет. Ты знаешь это, Повелитель.

— Я знаю, — тихо ответил Вейн. — Но я не остановлюсь.

Мы шли по улицам мёртвого города, и я видела их всех. Женщину, которая сидела на пороге и качала на руках завернутый в тряпье свёрток. Я бросила взгляд — и тут же отвела глаза. Размер был слишком мал, неподвижность — слишком красноречива. К горлу подкатила тошнота. Она качала мёртвого ребёнка, и никто не мог ей помочь.

Чуть дальше мужчина копал яму в замёрзшей земле. Лопата врезалась в твёрдый грунт с глухим, ритмичным стуком, и каждый удар отдавался у меня в груди. По его лицу текли слёзы — беззвучная вода, смешивающаяся с грязью. У края ямы лежало маленькое тело, завернутое в серую ткань. Его ребёнок. Я перевела взгляд, не в силах смотреть на это, и тут же наткнулась на детей, сидящих у стены.

Трое. Самому младшему на вид года четыре. Они были сиротами — в Старой долине это понималось без слов. Их родители умерли, как умирали все, и теперь эти дети просто ждали своей очереди. Они не перешёптывались, не двигались, даже не смотрели друг на друга. Просто сидели и глядели в никуда, разучившись улыбаться. Их глаза были пустыми, как окна брошенных домов. Я невольно замедлила шаг, но Вейн мягко тронул меня за локоть, увлекая дальше. Он ничего не сказал. Да и что тут было говорить?

Я почувствовала, как внутри разрастается что-то тяжёлое и тёмное, сжимающее горло ледяной рукой. Это было не просто сострадание. Это было осознание — острое, как удар ножа, — что эти люди не виноваты. Они просто родились не в том мире. Просто оказались по другую сторону Барьера. И теперь умирают — медленно, мучительно, без надежды. А я могу это изменить. Могу. Но какой ценой?

Я не знала ответа. И от этого становилось только страшнее.

У одного из разрушенных домов я остановилась. В груде обгоревших камней лежала детская игрушка — плюшевый медведь, наполовину сгоревший, с расплавленными глазами-пуговицами. Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забило быстро-быстро, отдаваясь гулом в висках. Перед глазами вспыхнула картинка: другой медведь, другая ночь, другой пожар. Мой собственный.

Вейн заметил, что я остановилась. Он ничего не сказал. Просто подошёл ближе и встал рядом — молча, не касаясь, но достаточно близко, чтобы я чувствовала жар его присутствия. От него пахло грозой и дымом — тем самым запахом, который остался на плаще. Я не обернулась. Не показала ему ничего. Но это молчаливое плечо рядом — без слов, без вопросов — вдруг оказалось именно тем, что мне требовалось. Я не понимала, почему. Я всё ещё боялась его. Но сейчас, в этом мёртвом городе, его близость странным образом не пугала, а успокаивала.

Через минуту я выпрямилась и пошла дальше. Он двинулся следом, не спрашивая.

На краю улицы мы наткнулись на женщину — ту самую, что сидела на пороге. Она подняла на меня глаза, и я увидела в них не просто усталость, а что-то большее — отчаянную, цепкую надежду, которая отказывалась умирать даже здесь.

— Ты правда можешь нам помочь? — спросила она хрипло.

Я замерла. Этот вопрос резанул острее, чем я ожидала. Потому что я не знала ответа. Я не знала, смогу ли. Я не знала, выживу ли. Я не знала, будет ли моя сила достаточной. Но она смотрела на меня так, словно я уже была ответом на все её молитвы.

— Я... я постараюсь, — выдавила я.

Женщина кивнула и снова опустила взгляд на свёрток в своих руках. Я заметила, как Вейн посмотрел на меня — коротко, оценивающе, но ничего не сказал. И мы пошли дальше.

— Почему они не уходят? — спросила я, когда мы отошли на достаточное расстояние.

— Потому что это их дом. Они родились здесь. Здесь родились их родители. Они не хотят уходить. Им некуда идти. А даже если бы и ушли — везде одно и то же. Энергии не хватает всем.

Мы остановились на краю небольшой площади. В центре стоял фонтан — высохший, мёртвый, с треснувшим камнем.

Когда-то, наверное, здесь была вода. Или лава. Или что-то ещё, что давало жизнь. Теперь — только пыль.

— Вы показываете мне это, чтобы я согласилась помочь, — произнесла я. — Чтобы я перестала сопротивляться.

— Я показываю тебе правду, — ответил он. — То, что ты с ней сделаешь, — твой выбор.

— Мой выбор? Вы похитили меня. Заперли в цитадели. Надели амулет. Где во всём этом был мой выбор?

— У тебя его не имелось, — невозмутимо согласился он. — Потому что тогда ты ещё не понимала. Теперь — понимаешь. Теперь ты видела. И выбор становится твоим.

Я замолчала. Он был прав. Я видела. И теперь не могла просто отмахнуться.

— Что будет с ними, если мы не доберёмся до Барьера?

— Они исчезнут. Не сразу. Но в течение ближайших десяти лет этот город опустеет полностью. За ним — другие. Потом поселение у скалы. Потом сама цитадель. Мой мир превратится в ледяную пустыню, и все, кто в нём живёт, исчезнут.

— А вы?

— Я, — он чуть усмехнулся, но усмешка вышла горькой, — я буду последним. Король, который остался на пустом троне.

Я разглядывала его профиль — резкий, будто высеченный из того же камня, что и эта впадина. Тысяча лет. Он прожил тысячу лет. Нёс этот мир на своих плечах. И теперь его по-

следняя надежда — девушка из библиотеки, которая до сих пор не знает, кто она на самом деле. А если я не справлюсь? Если моей силы не хватит? Эта мысль жгла где-то в груди, но я отогнала её. Сейчас не время для сомнений.

— Я помогу, — сказала я. — Я ещё не готова. Но я научусь. И я помогу этим людям. Не ради вас. Ради них.

Он долго наблюдал за мной. А потом коротко кивнул.

— Этого достаточно.

Мы возвращались обратно в молчании. У самого выхода из кратера, на узком каменном уступе, я поскользнулась — мелкие камни посыпались из-под ног, и я взмахнула рукой, ища опоры. Вейн поймал меня за запястье — быстро, без усилий. Я замерла. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, горячие и крепкие. От неожиданности сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле.

— Осторожнее, — сказал он.

На этот раз я не отстранилась сразу. Просто стояла и смотрела на его руку, сжимающую мою. Между нашими пальцами пробежала слабая серебристая искра — почти незаметная. По коже разлилось тепло, а от запястья вверх, к плечу, побежали мурашки — лёгкие, покалывающие, странно приятные.

— Ты чувствуешь это? — тихо спросил он.

— Да, — ответила я так же тихо, всё ещё ощущая, как затихает дрожь.

Он отпустил меня не сразу. А когда отпустил, его пальцы

скользнули по моей ладони — медленно, почти неосознанно, прежде чем он отдёргнул руку и пошёл дальше.

Я глядела ему в спину и чувствовала, как в груди разливается жар. Станный. Неожиданный. Незванный. Я не понимала, что это. Я не хотела понимать. Потому что если я позволю себе это чувство, пути назад уже не будет. А я не была готова доверять. Не после того, как он назвал меня «ничем».

Но его пальцы всё ещё жгли моё запястье. И я ничего не могла с этим сделать.

У ворот цитадели нас встретила Рина. Она окинула взглядом нас обоих и, заметив, что мы вернулись вдвоём, едва заметно приподняла бровь. Но комментировать не стала. Лишь доложила Вейну:

— Прибыл гонец от Совета. Светлые снова требуют переговоров.

— Снова? — Вейн нахмурился.

— Настаивают. Говорят, что готовы обсуждать... условия.

— Какие условия?

— Условия твоей капитуляции, — Рина поджала губы, и на мгновение в её серых глазах вспыхнуло что-то холодное и острое. Она не сказала больше ни слова, но по тому, как напряглись её плечи, я поняла: Светлые были ей ненавистны не меньше, чем Вейну. — И выдачи Аномалии.

Вейн посмотрел на меня. Его взгляд стал тяжёлым.

— Ответь им, что переговоров не будет. Нижний мир не капитулирует. И Аномалию не отдаст.

— Как прикажешь, Повелитель.

Рина исчезла за дверями. Я стояла рядом с Вейном, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

— Они не отступят, — произнесла я. — Рано или поздно они придут за мной.

— Да, — ответил Вейн. — Но не сегодня. И не завтра. Им нужно время, чтобы собрать силы. А нам — чтобы подготовиться.

— Тогда завтра мы тренируемся?

— Да, — он чуть усмехнулся. — Завтра ты будешь проклипать меня за каждую минуту этой тренировки.

Я не улыбнулась в ответ, но внутри что-то дрогнуло. За эти недели я научилась бояться его меньше. Или, может быть, научилась видеть за маской Короля что-то ещё — то, что он прятал за холодным взглядом и властным тоном. Я пока не знала, что именно. Но чувствовала: он не просто жестокий похититель. Он — тот, кто тысячу лет держал этот мир на своих плечах. И это заслуживало если не благодарности, то хотя бы... понимания.

— Вейн, — окликнула я, когда он уже взялся за ручку двери.

Он обернулся.

— Спасибо, что показали мне долину.

Он ничего не ответил. Но прежде чем дверь закрылась, я увидела, как уголок его губ дрогнул. А его взгляд на долю секунды задержался на моём лице — не оценивающий, не

холодный, а просто... тёплый.

Дверь закрылась. Я осталась стоять в коридоре, прижимая пальцы к запястью — туда, где всё ещё чувствовался жар его ладони.

Этой ночью я не спала. Не могла. Каждый раз, закрывая глаза, я видела их. Женщину с мёртвым ребёнком на руках, её пустой взгляд, устремлённый в никуда. Мужчину, который копал могилу для своего сына, и слёзы, беззвучно катившиеся по его грязному лицу. Детей-сирот, сидящих у стены, — их глаза, разучившиеся улыбаться. Эти образы стояли передо мной, яркие, невыносимые. Я снова и снова прокручивала их в голове, и каждый раз внутри что-то сжималось — то ли гнев, то ли отчаяние, то ли и то и другое разом.

Я думала о том, что эти люди не виноваты. Они просто родились не в том мире. И они умирают. Медленно, мучительно, без надежды. А я — единственная, кто может это изменить. Не потому что я герой. Не потому что я сильная. А потому что так вышло. Потому что у меня есть эта проклятая сила, которая сломала мне жизнь, — и теперь, впервые за всё время, она может послужить чему-то большему, чем разрушение.

Я вспомнила женщину, которая спросила: «Ты правда можешь нам помочь?» И свой жалкий ответ: «Я постараюсь». Эти слова теперь казались мне предательством. Не «постараюсь». Я должна. Я обязана. Не ради Вейна. Не ради его мира. Ради них. Ради тех, кто не может защитить себя сам.

Я села на кровати и уставилась в темноту. Что-то изменилось. Я больше не была просто пленницей, которую заставляют сражаться. Я стала той, кто принял решение. Той, кто увидела и больше не могла отвернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.